МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ.

Переведены съ Латинскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Александромъ Никольскимъ

и оною Академіею изданы.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

НАСТАВЛЕНІЯ

ВЪ ПОЛЬЗУ УЧАЩИХЪ И УЧАЩИХСЯ КРАСНОРѢЧІЮ.

КНИГА ОСЬМАЯ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

I. Не надобно обременять юношей правилами. II. Повтореніе того, что было говорено съ 16 главы 2-й книги, и что относится къ Изобрѣтенію и Расположенію. III. Слововыраженіе есть часть Риторики самая прекраснѣйшая, и вмѣстѣ самая труднѣйшая. IV. Надлежитъ пещися болѣе о мысляхъ, нежели о словахъ.

I. Въ предъидущихъ пяти книгахъ изложены почти всѣ правила, какъ изобрѣтать мысли и какъ потомъ располагать оныя. Знать всѣ сіи части въ подробности, безъ сомнѣнія, нужно для совершеннаго Оратора, но для начинающихъ изъясненіе оныхъ должно быть и короче и про-

стѣе. Ибо, или трудностію многочисленныхъ и перепутанныхъ правилъ теряютъ они охоту къ ученію; или тогда, какъ юные умы ихъ особенно требуютъ нѣжнѣйшей пищи, отъ преподаванія сухихъ подробностей стѣсняются и малятся; или, набивъ голову только сими мѣлочами, почитаютъ себя уже довольно наставленными въ Краснорѣчіи; или, привязавшись къ правиламъ, какъ къ непреложнымъ законамъ, страшатся отступить отъ нихъ и употребить собственное свое усиліе. Отъ того, по мнѣнію многихъ, Риторы, писавшіе о сей наукѣ съ крайнею подробностію, и точностію, никогда не были великими Ораторами.

Однако нуженъ начинающимъ путь, но путь ровный и гладкій, по коему бы и слѣдовать и указывать оный было удобно. Итакъ опытный и искусный наставникъ изъ всего да избираетъ лучшее, и преподаетъ то, что почтетъ за нужнѣйшее, не останавливаясь на опроверженіи излишняго. Тогда ученики легко послѣдуютъ за тобою. По мѣрѣ силъ ихъ будутъ умножаться и успѣхи. Но надобно, чтобъ они тотъ путь, по коему ведутъ ихъ, почитали сперва единственнымъ, и послѣ признали бы, что онъ есть и самый лучшій. Не все то темно и непонятно, что Писатели, держась упорно различныхъ мнѣній, запутали. По сему-то въ преподаваніи

сей науки труднѣе избрать, чему учить, нежели, какъ учить, когда изберешь для сего лучшій способъ: и особенно въ сихъ двухъ частяхъ находится мало правилъ, познаніе коихъ весьма много могло бы способствовать и ко всему прочему.

II. Ибо мы доселѣ старались по возможности показать, что Риторика есть наука красно говорить, что она полезна, и что искусствомъ и добродѣтелію почитаться должна: что предметъ ея составляютъ всѣ вещи, какія въ рѣчь нашу входить могутъ: что онѣ заключаются почти въ трехъ родахъ, Излагательномъ, Совѣщательномъ и Судебномъ: что всякая рѣчь состоитъ изъ мыслей и словъ: что въ мысляхъ надобно стараться о изобрѣтеніи, въ словахъ о точномъ выраженіи, а въ томъ и другомъ о пристойномъ расположеніи: что для сего потребна память и хорошее произношеніе.

Мы сказали также, что должность Оратора есть говорить вразумительно, убѣдительно и пріятно: къ вразумленію способствуютъ Изложеніе и Умствованіе (argumentatio), а къ убѣжденію возбужденіе страстей, о движеніи которыхъ хотя въ продолженіи и всей рѣчи забывать не должно, но особенно при началѣ и заключеніи стараться о семъ нужно: пріятнымъ же дѣлаться слушателямъ Ораторъ можетъ и тѣмъ и дру-

гимъ, но болѣе всего искуснымъ словоыраженіемъ: что изъ тяжебныхъ дѣлъ иныя суть неопредѣленныя, иныя опредѣленныя, относящіяся прямо къ лицамъ, мѣстамъ, временамъ: что при всякомъ дѣлѣ слѣдуетъ наблюдать при вопроса: *Существуетъ ли оно, въ чемъ состоитъ, и каково?*

Къ сему прибавили мы, что родъ излагательный состоитъ изъ похвалы и хулы: здѣсь разсматривается дѣяніе того лица, о коемъ говоримъ, и произшествія по смерти его: тутъ честное и полезное составляетъ предметъ разсужденій: что къ роду Совѣщательному присоединяются случаи догадочные, гдѣ разсматривается, могло ли статься то дѣло, о коемъ разсуждаемъ, и можно ли надѣяться, чтобъ оно сбылося. Мы замѣтили, что здѣсь особливо наблюдать надлежитъ, кто, передъ кѣмъ и о чемъ говоритъ: что изъ судебныхъ дѣлъ иныя состоятъ изъ тяжбы объ одномъ предметѣ, а другія о многихъ.... Что всякая судебная рѣчь имѣетъ пять частей, изъ коихъ въ Приступѣ снискивается благосклонность слушателя, въ Повѣствованіи излагается дѣло, доводами подтверждается, опроверженіемъ уничтожаются возраженія, въ Заключеніи же или приводится на память судьямъ все вышесказанное, или умы возбуждаются въ нашу пользу.

Мы сверхъ того показали источники, изъ коихъ заимствуются доказательства и возбужденіе страстей, и также присовокупили пособія, чрезъ кои можно или возбуждать, или умилостивлять, или развлекать вниманіе судьи пріятнымъ образомъ. Приложили наконецъ способъ, какъ надлежитъ раздѣлять рѣчь на извѣстныя части. Но тотъ, кто будетъ читать сіе сочиненіе съ тѣмъ, чтобъ научиться, да вѣдаетъ, что есть нѣкій извѣстный путь, по которому и безъ помощи правилъ, подъ руководствомъ одной природы идти можно: такъ что все сказанное мною не столько за изобрѣтеніе учителей, сколько за слѣдствіе опытовъ и плодъ наблюденій почесть должно.

III. Слѣдующія наставленія требуютъ бо́льшаго вниманія и осмотрительности. Ибо мы будемъ говорить теперь о Слововыраженіи, которое изъ всѣхъ частей сего сочиненія, есть, по признанію всѣхъ Ораторовъ, самая труднѣйшая. И М. Антоній, о коемъ упомянуто было выше, говоритъ, что онъ видѣлъ велерѣчивыхъ много, но ни одного краснорѣчиваго; чтобъ быть велерѣчивымъ, довольно и того, когда говоримъ, что̀ должно: говорить же красно значитъ быть истинно краснорѣчивымъ. И ежели таковаго качества не находили мы до него ни въ одномъ Ораторѣ, даже ни въ немъ самомъ, ни въ Л.

Крассѣ, что конечно не доставало онаго въ нихъ и въ ихъ предшественникахъ только по тому, что пріобрѣсти оное весьма трудно. И М. Туллій, Изобрѣтеніе и Расположеніе называетъ дѣломъ человѣка благоразумнаго, а Слововыраженіе должностію Оратора. По чему съ особеннымъ тщаніемъ трудился онъ надъ изложеніемъ правилъ по сей части Риторики. Самое названіе предмета, о коемъ идетъ рѣчь, оправдываетъ его предпріятіе. Ибо быть краснорѣчивымъ не иное что есть, какъ выражать словомъ все то, что̀ умомъ объемлемъ, и сообщать оное слушателямъ: безъ чего всѣ вышеизъясненныя правила не принесутъ никакой пользы, подобно мечу, неисходно въ своемъ влагалищѣ остающемуся.

Итакъ на сіе обращать должно наибольшее вниманіе: сего иначе достигнуть невозможно, какъ наукою: о семъ надлежитъ всемѣрно пещися: Здѣсь-то потребны и собственное упражненіе и подражаніе: сіе-то пріобрѣтается трудами цѣлой жизни: симъ-то Ораторъ Оратора превосходитъ: симъ наконецъ слогъ одного отличается въ красотѣ отъ слога другаго. Ибо и Азіатцы и прочіе народы, у коихъ находимъ слогъ самый поврежденный, изобрѣтать и располагать мысли умѣли; даже и тѣ Ораторы, коихъ называемъ сухими, не были безсмысленны, или бы хода дѣлъ не понимали: но первымъ не-

доставало вкуса и умѣнія, а послѣдніе не имѣли силы; изъ сего видно, въ чемъ состоитъ и порокъ и достоинство въ словѣ.

IV. Изъ сего однако не слѣдуетъ, чтобы объ однѣхъ словахъ помышлять надлежало. Здѣсь за нужное почитаю предварительно остановить тѣхъ, кои захотѣли бы во зло употребить мое наставленіе, и кои, вознерадѣвъ о мысляхъ, которыя могутъ почесться жилами всякой рѣчи, стараются понапрасну только о наборѣ словъ; они дѣлаютъ сіе конечно съ тѣмъ, чтобы придать рѣчи своей болѣе простоты: такое изящество, по мнѣнію моему, весьма пріятно, но только тогда, когда оно бываетъ естественно и непринужденно. Тѣла здоровыя, показывающія неповрежденную кровь и упражненіемъ укрѣпляемыя, отъ тѣхъ же причинъ заимствуютъ и благовидную наружность и силы свои: отъ того же красивы, крѣпки и статны: но тѣже тѣла, если будутъ представлены подъ женоподобнымъ ложнымъ намащеніемъ, покажутся намъ гнусными ради того самаго труда, какой употребленъ на ихъ украшеніе. Благопристойная и великолѣпная одежда, какъ видно изъ Греческаго стиха, придаетъ людямъ важность: но щегольское и женоподобное убранство не украшаетъ тѣла, а обнаруживаетъ ума слабость. Такъ равно блестящимъ и разноцвѣтнымъ слововыраженіемъ нѣко-

торыхъ ослабляются самыя мысли, въ таковую одежду облеченныя. Итакъ, помышляя о выборѣ словъ, надлежитъ, по мнѣнію моему, наиболѣе заниматься мыслями.

Ибо лучшія выраженія почти неразлучны съ мыслями, и сами собою открываются. А мы ищемъ ихъ, какъ будто бы онѣ всегда таились и убѣгали отъ насъ. И потому совсѣмъ не думаемъ, что то у насъ подъ руками, о чемъ говорить должно, а ищемъ того инуды, и дѣлаемъ насиліе уму своему. Краснорѣчіе требуетъ большей бодрости духа: ежели оно всѣмъ тѣломъ здорово, то ни въ обрѣзываніи и чищеніи ногтей, ни въ прическѣ волосъ не имѣетъ нужды.

А еще часто случается, что отъ сего излишняго раченія дѣлается гораздо худшимъ. Самыя лучшія выраженія суть тѣ, которыя не натянуты, а просты и самою внушены истиною. Ибо тѣ, которыя показываютъ нашу о выборѣ ихъ излишнюю заботу и намѣреніе блеснуть ими, теряютъ и пріятность и довѣріе, потому что затѣмняютъ смыслъ, и, какъ терніе, добрыя сѣмена заглушаютъ. Ибо и тамъ, гдѣ можно сказать правильно и просто, гоняемся за изяществомъ словъ, и повторяемъ безъ нужды то, что̀ уже объяснено достаточно: гдѣ довольно и одного слова, тамъ употребляемъ множество: и почитаемъ за лучшее иные пред-

меты описывать, нежели выражать ихъ безъ околичностей.

И что еще? Не нравятся нынѣ даже рѣченія собственныя, точныя, и уже почитаются красивыми, когда ихъ и другіе употребляютъ. Отъ Стихотворцевъ самыхъ неисправныхъ заимствуемъ нелѣпыя фигуры и метафоры, и почитаемъ себя остроумными, когда къ уразумѣнію насъ потребно великое проницаніе. Цицеронъ говоритъ весьма ясно, что *величайшій порокъ въ рѣчи есть отступленіе отъ общаго образа мыслей и выраженія.* Но это Писатель, по мнѣнію нашему, грубый, варварскій: мы лучше его: мы отвергаемъ все, что внушаетъ природа: мы ищемъ не существенныхъ украшеній, а только прикрасъ ложныхъ; какъ будто бы слова могутъ имѣть какое нибудь достоинство, когда мыслямъ не соотвѣтствуютъ. Ежели во всю жизнь надлежитъ потѣть только надъ тѣмъ, чтобъ слова были точны, ясны, избранны, красиво расположены, то весь плодъ ученія нашего для насъ потерянъ.

Однако видимъ Ораторовъ, кои на каждомъ словѣ останавливаются, каждое взвѣшиваютъ, мѣряютъ, при каждомъ недоумѣваютъ. Хотя бы они и всегда находили самыя лучшія выраженія; но уже никуда негодится та забота, которая медленіемъ и недовѣрчивостію къ самому себѣ

препятствуетъ стремленію слова и потушаетъ огнь воображенія. Бѣдный тотъ Ораторъ, который не можетъ равнодушно рѣшиться потерять ни одного слова. Да и не потеряется оно для того, кто прежде научится хорошо говорить, кто отъ прилѣжнаго и полезнаго чтенія запасется богатствомъ выраженій, кто прибавитъ искусство располагать ихъ: потомъ все сіе подкрѣпитъ непрерывнымъ упражненіемъ, дабы всегда имѣть то въ готовности и какъ бы предъ глазами. Послѣ сего мысли придутъ намъ въ голову вмѣстѣ съ своими названіями.

Но для достиженія сего потребно долговременное ученіе; надлежитъ прежде снискать способность и, такъ сказать, имѣть ее въ запасѣ. И сія забота сыскивать, судить, сравнивать выраженія, должна занимать насъ тогда, когда еще учимся, а не тогда когда говоримъ. А иначе съ Ораторомъ будетъ тоже, что и съ тѣми, кои, заблаговременно не помышляя о стяжаніи, вздумаютъ искать онаго не въ свое время. Ежели запасемся прежде нужными пособіями, то никогда затрудняться не будемъ; слова и безъ того, чтобъ мы ихъ искали, встрѣчаться будутъ сами собою, и послѣдуютъ за мыслями, какъ тѣнь за тѣломъ.

Однако и сія самая заботливость имѣетъ свои предѣлы. Ибо когда слова языку свойствен-

ны, выразительны, чисты, значительны и между собою соотвѣтственны, то о чемъ еще заботиться? Есть однакожъ люди, кои въ подобномъ разборѣ конца себѣ не полагаютъ, и почти каждый слогъ взвѣшиваютъ: наиедъ даже самыя лучшія выраженія, ищутъ еще такихъ, которыя отличались стариною и неожиданною странностію; они не понимаютъ, что тамъ мало хорошихъ мыслей, гдѣ однѣ слова похваляются. Итакъ надлежитъ всемѣрно стараться о словоыраженіи, однако такъ, чтобъ не слишкомъ пристращаться къ выбору словъ, которыя и изобрѣтены единственно ради объясненія мыслей; самыя свойственныя рѣченія суть тѣ, которыя наилучшимъ образомъ обнаруживаютъ наши чувствованія, и въ умахъ судей производятъ желаемое нами дѣйствіе. Безсомнѣнія, въ устахъ Оратора раждаютъ онѣ въ слушателяхъ удовольствіе и удивленіе, но удивленіе не такое, съ какимъ смотримъ на чудовищные предметы, и не удовольствіе, ощущаемое низкими душами, а съ похвалою и достоинствомъ соединенное.

ГЛАВА I.

О СЛОВОВЫРАЖЕНІИ (Elocutio).

Въ slovовыраженіи обращается вниманіе или на каждое рѣченіе порознь, или на ихъ соединеніе. Въ первомъ случаѣ наблюдается, чтобъ онѣ были свойственны языку, ясны, чисты и соотвѣтственны нашему намѣренію. Въ другомъ, чтобъ онѣ расположены были правильно, красиво, пристойно. Прибавляетъ нѣчто о чистотѣ Латинскаго языка.

Итакъ то, что̀ Греки разумѣютъ подъ словомъ *φράσις*, мы Латиняне называемъ *èlocutio* (*слововыраженіе*). Здѣсь смотримъ на рѣченія, взятыя или порознь, или въ ихъ соединеніи. Въ первомъ случаѣ наблюдается, чтобъ онѣ непротивны были свойству языка, ясны, красивы, выразительны: во второмъ, чтобъ соединены были правильно, прилично, витіевато. О исправности и чистотѣ языка я изложилъ все нужное въ первой книгѣ, говоря о Грамматикѣ.

Правда, мы тамъ показали только, какъ избѣгать погрѣшностей въ рѣчи: здѣсь же неизлишно будетъ напомянуть, что должно всячески остерегаться чужестранныхъ и областныхъ выраженій. Ибо видимъ многихъ, кои, при довольномъ искуствѣ въ словѣ, говорятъ болѣе странно, нежели свойственно языку. Такъ напримѣръ, Аѳинская старуха, замѣтивъ, что Ѳеофрастъ, человѣкъ впрочемъ весьма краснорѣчивый, употребилъ одно слишкомъ выисканное рѣченіе, тотчасъ назвала его иностранцемъ; и на вопросъ, изъ чего она это заключаетъ: *Изъ того*, отвѣчала, *что слишкомъ отборно говоритъ.* И въ Титѣ Ливіи, мужѣ удивительнаго краснорѣчія, индѣ видно, по замѣчанію Полліона Азинія, отечественное его Падуанское нарѣчіе. По чему и всѣ слова и произношеніе должны являть человѣка воспитаніемъ въ Римѣ, дабы рѣчь наша казалась рѣчью прямаго Римлянина, а не получившаго изъ милости право гражданина.

ГЛАВА II.

О ЯСНОСТИ (Perspicuitas).

I. Ясность зависитъ особенно отъ прямаго смысла словъ. II. Откуда раждается она, и какъ избѣгать темноты.

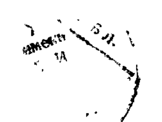
I. Ясность въ словахъ имѣетъ особенное свойство: но самое свойство не просто и не одинакимъ образомъ разумѣть должно.

Первый свойственный смыслъ слова есть собственное каждой вещи названіе, которое не всегда употребляемъ: ибо надлежитъ избѣгать названій срамныхъ, гнусныхъ и подлыхъ. За подлыя почитаются тѣ, которыя не соотвѣтствуютъ достоинству вещей, о коихъ говоримъ, или лицъ, предъ коими говоримъ. Многіе, избѣгая сего порока, впадаютъ часто не въ меньшую погрѣшность: не смѣютъ употреблять рѣченій, принятыхъ всѣми, хотя предметъ рѣчи ихъ требовалъ. Такъ одинъ Ораторъ, говоря

въ собраніи, произнесъ: *травы Иберійскія*, чего никто бы, кромѣ его самаго, никакъ не понялъ, еслибы Кассій Северъ, въ осмѣяніе такой суетности, тотчасъ не подхватилъ, что Ораторъ разумѣетъ подъ симъ *тростникъ*.... Но въ семъ родѣ свойственности, по которой употребляются названія каждой вещи, состоитъ не великое достоинство: противный же сему порокъ есть то, что̀ мы называемъ *несобственностію*, а Греки *ἄκυρον*; каково есть выраженіе:

Tantum sperare dolorem.... (4. Aen. 419).

Однако рѣченіе, будучи иногда не совсѣмъ собственно, не можетъ почесться совершенно за несобственное: поелику у Грековъ и Латынянъ многія вещи собственно не наименованы. Ибо и бросать *стрѣлы* есть собственно *стрѣлять*: но бросать, метать мячь или палку, выразить однимъ собственнымъ названіемъ не можно. Такъ и Латинское слово *lapidare* (побивать каменіемъ) весьма ясно: но дѣйствіе бросающаго въ кого нибудь глыбы земли или черепицу не имѣетъ своего собственнаго имени. Отсюда происходитъ по необходимости злоупотребленіе, которое называется *κατάχρησις*. Метафора или переносъ смысла, составляющій наилучшее украшеніе рѣчи, сообщаетъ также имена вещамъ, которыя ихъ не имѣютъ. Почему собственность

не къ имени, а къ силѣ знаменованія относится: и судить о немъ должно не ухо, а разсудокъ.

Во вторыхъ собственнымъ называется имя, которое принадлежитъ одной изъ многихъ вещей, отъ коей другія получаютъ свое названіе; какъ напримѣръ, Латинское слово *Vertex* (водоворотъ) есть клубящаяся вода, или иное что-либо, подобнымъ образомъ вращающееся. Откуда тѣмъ же именемъ названа верхняя часть головы или маковка, по причинѣ віющихся около ея волосовъ; а отселѣ и самое возвышенное на горахъ мѣсто. Всѣ сіи вещи безошибочно назовешь *Vertex;* но собственно принадлежитъ оно водовороту. Равно и рыбы solea (скоба) и turdus (голецъ) названы по подобію, первая съ сапожною подковою, другая съ птицею дроздомъ.

Въ третьихъ, есть собственно наименованіе и то, которое, принадлежа многимъ вещамъ, присвояется въ особенности одной вещи: какъ-то: надгробная пѣснь называется *Naenia,* и налатка или шатеръ полководца, *Avgurale.* Также есть имена общія многимъ другимъ вещамъ, но подъ ними одна какая нибудь вещь разумѣется особенно, какъ напримѣръ, слово городъ беремъ за *Римъ,* и *Corinthia* за мѣдь Коринѳскую (*venales, novitios*) покупки за обновы, хотя есть и другіе многіе города, и многія другія покупки, и есть также золото и серебро, какъ и мѣдь Ко-

ринская. Но не въ этомъ состоитъ достоинство Оратора.

А дѣлаетъ его наиболѣе отличнымъ и похвалы достойнымъ такое выраженіе, каковаго значительнѣе и найти не можно: какъ сказалъ Катонъ о К. Цезарѣ, что къ низпроверженію Республики приступилъ онъ *сѣ трезвою головою;* Виргилій: *deductum carmen*, пастушеское стихотвореніе; и Горацій, *acrem tibiam*, пронзительная свирѣль, *Hannibalemque dirum*, лютый Аннибалъ....

Впрочемъ отличительныя черты какого нибудь предмета берутся иногда за наименованія собственныя: такъ Фабій изъ многихъ воинскихъ доблестей удержалъ названіе *Медлителя* (cunctator).

Такія слова, которыя означаютъ болѣе, чѣмъ выражаютъ собою, надлежитъ, кажется, отнести къ ясности: ибо помогаютъ уразумѣнію. Но я хотѣлъ бы лучше сіи сильныя рѣченія помѣстить между украшеніями рѣчи, поелику онѣ дѣлаютъ рѣчь не только вразумительною, а еще вразумительнѣйшею, нежели словомъ выразить можно.

II. Напротивъ темнота происходитъ отъ словъ, вышедшихъ изъ общаго употребленія. Ежели кто вздумаетъ рыться въ лѣтописяхъ нашихъ жрецовъ, разбирать старинные мирные договоры, и углубляться въ творенія древнѣй-

шихъ Писателей, дабы извлечь изъ нихъ какія нибудь выраженія, тотъ найдетъ тамъ только то, чего другіе разумѣть не могутъ. Ибо есть люди, кои изъ оказательства учености своей даютъ чувствовать, что одни они знаютъ нѣкоторыя вещи. Обманываютъ также слова, или извѣстнымъ странамъ, или художествамъ свойственныя, какъ-то: *Atabulus* (*) *ventus* и *navis Saccaria* (**). По чему и надлежитъ или избѣгать ихъ предъ судьею, коему знаменованіе оныхъ не свѣдомо, или же объяснять. Таковая же предосторожность должна быть въ словахъ тождеименныхъ: напримѣръ *Taurus,* быкъ, тѣлецъ, было бы рѣченіе невразумительное, если не отличить, животное ли то, или гора, или созвѣздіе, или имя человѣка, или древесный корень.

Однако темнота скорѣе случиться можетъ въ связи и продолженіи словъ, т. е. въ послѣдствіи всей рѣчи. Для сего періоды не должны быть такъ длинны, чтобъ не могло слѣдовать за ними наше вниманіе, ниже перестановками рѣченій такъ перепутаны, что прежде окончанія ничего понять не льзя. А еще хуже перемѣшеніе словъ, какъ въ слѣдующемъ стихѣ: (1. Aen. 113.)

Saxa vocant Itali mediis quae in fluctibus, aras:

(*) Собственное имя вѣтра тлетворнаго, дующаго въ Апуліи.
(**) Корабль съ мѣшками пряныхъ зелій.

Равнымъ образомъ и вставныя рѣчи, къ которымъ Ораторы и Историки часто прибѣгаютъ, дабы помѣстить въ ней какую нибудь новую мысль, не рѣдко затмѣваютъ настоящій смыслъ, если вставка сія не будетъ самая краткая. Такъ погрѣшилъ Виргилій (3. Georg. 79.) въ описаніи молодаго коня; ибо сказавъ:

Nec vanos horret strepitus,...

и вставивъ между тѣмъ много другихъ мыслей, въ пятомъ уже стихѣ возвращается къ первой мысли:

....Tum, si qua sonum procul arma dedêre,
Stare loco nescit.....

Особенно надлежитъ избѣгать двоесмыслія, не только такого, которое наводитъ недоумѣніе, какъ *Chremetem audivi percussisse Demeam;* но и такого, которое хотя и не затмѣваетъ прямаго смысла, но можетъ также быть причислено къ недостаткамъ худаго расположенія словъ. Напримѣръ, ежели бы кто сказалъ: *Visum a se hominem librum scribentem*, то хотя и видно, что человѣкъ писалъ письмо, однако выраженіе все было бы погрѣшительно, и содержало бы въ себѣ нѣчто двусмысленное.

Находимъ еще во многихъ кучу пустыхъ словъ. Таковые, какъ бы боясь общаго употребленія выраженій, подъ видомъ красоты и изящности, всякую мысль свою усиливаются объяс-

нять совсѣмъ ненужнымъ наборомъ словъ, и чрезъ то самое, соединяя таковый наборъ съ другимъ наборомъ пустословія, растягиваютъ свои періоды такъ, что однимъ духомъ произнести ихъ невозможно.

Есть даже и такіе, кои нарочно стараются быть темными: и порокъ сей не новый; ибо нахожу еще у Тита Ливія такого учителя, который внушалъ ученикамъ своимъ наблюдать темноту въ рѣчахъ, приговаривая по Гречески *σκότισον*. Отсюда родилась сія отмѣнная похвала: *это прекрасно; я и самъ сего не понялъ.*

Другіе до такой степени любятъ краткость, что и самыя нужныя въ рѣчи слова опускаютъ, и, лишь только бы сами себя разумѣли, не заботятся ни мало о томъ, понимаютъ ли ихъ слушатели. А я почитаю ту рѣчь пустою и безполезною, которой слушатель собственнымъ умомъ ясно не постигаетъ. Однако многіе забрали себѣ въ голову, что то только, по ихъ мнѣнію, хорошо и остроумно сказано, что̀ толковать еще надобно. Да нѣкоторымъ и изъ слушателей не непріятна такая неясность; ибо, проникнувъ нѣсколько мракъ сей, восхищаются своимъ остроуміемъ и радуются, что какъ будто бы не слышали, а сами изобрѣли.

Мы же должны почитать за первое въ рѣчи достоинство ясность, слова въ истинномъ

ихъ знаменованіи, правильный порядокъ, не слишкомъ далеко отнесенное Заключеніе, ясный и удобопонятный смыслъ періодовъ, словомъ: убѣгать недостатка и излишества. Тогда слогъ нашъ будетъ одобренъ людьми учеными, и внятенъ для неученыхъ. Вотъ способъ соблюсти въ рѣчи ясность: а какъ надлежитъ оную соблюсти въ мысляхъ, мы показали уже въ правилахъ о Повѣствованіи. Того же самаго нужно держаться и во всемъ прочемъ. Ибо, когда не скажемъ ни больше ни меньше должнаго, когда сохраненъ будетъ порядокъ и опредѣленность, тогда рѣчь неминуемо сдѣлается ясною, и даже невнимательному слушателю удобопонятною. При семъ надобно взять въ разсужденіе и то, что не всегда можетъ судья напрягать свое вниманіе до такой степени, чтобы самъ былъ въ состояніи проницать въ темноту нашихъ мыслей, и мракъ рѣчи нашей озарять свѣтомъ собственнаго своего разума; онъ часто развлекаемъ бываетъ размышленіями; для сего слова наши должны быть такъ ясны, чтобы онѣ въ душу его, какъ солнце въ глаза, бросались сами собою, хотя бы не устремлялъ на нихъ вниманія. Итакъ надобно стараться, чтобъ насъ не только разумѣли, но чтобъ и не разумѣть не могли. И для сего часто повторяемъ то, что почитаемъ еще невнятнымъ для судіи: *Простите мнѣ, виноватъ я, что*

дѣло кажется нѣсколько темновато... По чему и осмѣливаюсь прибѣгнуть къ выраженіямъ вразумительнѣйшимъ и яснѣйшимъ. Подобное извиненіе всегда пріемлется съ благосклонностію отъ слушателей. И то способствуетъ нашему успѣху, что̀ сами иногда притворно признаемъ безуспѣшнымъ.

ГЛАВА III.

О УКРАШЕНІИ РѢЧИ. (Ornatus).

I. Какую силу имѣетъ украшеніе. — Оно должно быть мужественно, не женоподобно. — Прилично предмету. II. Украшеніе бываетъ въ каждомъ словѣ порознь и въ связи оныхъ. III. Слова суть или собственныя, коимъ древность придаетъ нѣкоторое достоинство. — Или вновь изобрѣтенныя; здѣсь говорится о способѣ изобрѣтать ихъ. — Или заимствованныя отъ другаго языка; о чемъ скажется на иномъ мѣстѣ. IV. Прежде, нежели предлагаетъ о украшеніи цѣлой рѣчи, показываетъ главные недостатки, украшенію противные. V. Потомъ говоритъ о украшеніи, коему наиболѣе способствуетъ ясность, ἐνάργεια или ὑποτύπωσις, выразительность подобія; краткословіе, живость, простота, βραχυλογία, ἔμφασις, ἀφέλεια. VI. Сила витійства состоитъ въ увеличеніи и уменьшеніи; сему правила показаны будутъ въ слѣдующей главѣ.

I. Теперь мнѣ слѣдуетъ предложить нѣчто о украшеніи рѣчи. Здѣсь Ораторъ, безсомнѣнія, можетъ оказать свои дарованія съ бо́льшею свободою, нежели во всѣхъ прочихъ частяхъ Красно-

рѣчія. Ибо говорить исправно и ясно, еще не доставляетъ ему отличной чести; еще не доказываетъ великаго въ немъ достоинства, и значитъ только, что онъ избѣгъ пороковъ, но не пріобрѣлъ достоинствъ. Изобрѣтеніе есть часто общій удѣлъ съ неучеными: Расположеніе быть можетъ слѣдствіемъ и посредственныхъ свѣденій: тонкости же Риторскія бо́льшею частію скрываются; ибо въ семъ-то и состоитъ искуство: впрочемъ все сіе должно относиться къ одной пользѣ защищаемаго нами дѣла. Изяществомъ и красотою рѣчи Ораторъ отличаетъ и самъ себя; въ другихъ частяхъ ищетъ онъ одобренія ученыхъ, а въ сей похвалы общенародной.

Не однимъ крѣпкимъ, но и блестящимъ оружіемъ сражался Цицеронъ за дѣло Корнелія Бальба: ежели бы изложилъ онъ предъ судьями предметъ свой только ясно, правильно и языкомъ чистымъ, то конечно не достигъ бы того, чтобы народъ Римскій удивленіе свое изъявилъ не только восклицаніями, но даже всеобщими рукоплесканіями. Нѣтъ сомнѣнія, что возвышенность, великолѣпіе, красота и сила краснорѣчія исторгли столь торжественное одобреніе. Никогда бы не увѣнчалась рѣчь его толь необыкновеннымъ успѣхомъ, еслибъ была обыкновенна и прочимъ рѣчамъ подобна. И я думаю, что присутствовавшіе тогда въ собраніи не примѣчали сами, что̀

дѣлали, и рукоплесканіе ихъ не было слѣдствіемъ ни воли, ни разсудка, но какъ бы отъ нѣкоего умоизступленія, не смотря на величественность мѣста, вырвались сіи шумныя свидѣтельства любви къ Оратору.

Да и дѣлу самому много споспѣшествуетъ такое украшеніе рѣчи. Ибо тѣ, кои охотно слушаютъ, и внимательнѣе бываютъ, и удобнѣе вѣрятъ, что слышатъ: одно удовольствіе плѣняетъ ихъ; а удивленіе иногда увлекаетъ. И блестящій предъ глазами мечъ уже нѣкоторый страхъ наводитъ, и самые громы не столько бы трепетать насъ заставляли, ежели бы страшились мы одной ихъ силы, а не самаго блистанія. И Цицеронъ весьма справедливо въ одномъ письмѣ къ Бруту пишетъ: *Краснорѣчія, которое не внушаетъ удивленія, я не почитаю за краснорѣчіе.* И Аристотель поставляетъ долгомъ Оратора снискать удивленіе.

Но сіе украшеніе, еще повторяю, должно быть мужественно, сильно, неблазненно: оно не должно состоять въ притворной, и нѣгою отзывающейся легкости, въ обманчивыхъ и поддѣльныхъ краскахъ; надобно, чтобъ отличалось оно цвѣтомъ, такъ сказать, здоровой, чистой крови и крѣпостію состава. Весьма справедливо, что, ежели гдѣ, то здѣсь особенно, недостатки сближены съ достоинствами, такъ что тѣ, кои

подвергаются недостаткамъ, прикрываютъ ихъ однакожъ именемъ достоинства. Почему да не скажетъ никто изъ любителей искаженнаго слога, что я врагъ Ораторамъ, чисто, красно и пріятно говорящимъ: я почитаю все сіе за достоинство, но имъ онаго не приписываю. Не уже ли по поле, гдѣ увидѣлъ однѣ лиліи, фіалки и прозрачные источники, долженъ я предпочесть обильнымъ жатвамъ, или насажденіямъ, плодовъ наполненнымъ? Не уже ли захотѣлъ бы я имѣть лучше безплодный яворъ и искусно подстриженныя мирты, нежели обвитый виноградными лозами вязъ и маслины, обремененныя плодомъ своимъ? Пусть будетъ все сіе у людей богатыхъ: я согласенъ. Но что было бы съ ними, когда бы они, кромѣ сего, ничего другаго не имѣли?

Не уже ли не надобно придавать красоту древу плодотворному? Кто отрицаетъ сіе? Я такія древа разсадилъ бы въ порядкѣ и въ извѣстномъ разстояніи. Ибо что красивѣе деревъ, расположенныхъ треугольникомъ, который, куда бы я ни посмотрѣлъ, представилъ бы прямую черту глазамъ моимъ? Сіе полезно и потому, что онѣ влагу изъ земли извлекаютъ всѣ равно. Бѣгущія слишкомъ вверхъ маслины я подрѣзалъ бы: онѣ сдѣлались бы круглѣе и красивѣе, а между тѣмъ большее число вѣтвей было бы съ пло-

домъ. Конь, у коего бока тонки, красивѣе; отъ того же онъ и быстрѣе. Пріятно посмотрѣть на атлета, у коего крѣпость членовъ сдѣлалась отъ упражненія примѣтною, и онъ отъ того же способнѣе къ сраженію. Никогда истинная красота не отдѣляется отъ пользы: для усмотрѣнія сего не нужно дальнее проницаніе.

Но достойнѣе замѣчанія то, что украшеніе самое благопристойное должно измѣняться, смотря по предмету рѣчи. И, чтобъ начать обыкновеннымъ раздѣленіемъ, скажу, что не однѣ и тѣже красоты приличествуютъ родамъ и Доказательному, и Совѣщательному, и Судебному. Ибо первый, коему свойственно оказательство, стремится къ одной цѣли: произвесть въ слушателяхъ удовольствіе: тутъ Ораторъ можетъ явить всѣ пособія искуства, и выставить всѣ возможныя украшенія рѣчи; поелику не имѣетъ въ виду ни соперничества съ противникомъ, ни выигрыша тяжбы, а только ищетъ собственной похвалы и славы. Посему онъ все, что ни есть разительнаго въ мысляхъ, что ни есть удобопонятнаго въ мысляхъ, блистательнаго въ словахъ, пріятнаго въ фигурахъ, великолѣпнаго въ переносныхъ реченіяхъ, обработаннаго въ сочиненіи, словомъ, все сіе можетъ онъ, какъ бы нѣкій торжникъ Краснорѣчія, представить на судъ и оцѣнку слушателямъ. Ибо здѣсь слѣдствіе всего

того относится къ одному Оратору, а не къ тяжбѣ.

Когда же бываетъ предметомъ дѣло тяжебное и состоитъ въ препирательствѣ съ противникомъ, тогда уже слава должна быть послѣднею цѣлію для Оратора. И для того, кто пріемлетъ на себя важное тяжебное дѣло, худо дѣлаетъ, если объ однихъ выраженіяхъ заботится. Я не говорю, чтобы тутъ всякое украшеніе было не нужно: но надобно, чтобъ оно было самое умѣренное, самое скромное, и тѣмъ самымъ не столь примѣтное, а паче приспособленное къ своему предмету. Ибо и въ Совѣщаніяхъ, когда оныя происходятъ въ Сенатѣ, потребенъ родъ Краснорѣчія возвышеннѣйшій, предъ народомъ стремительнѣйшій, а при разбирательствѣ дѣлъ общественныхъ и уголовныхъ, тщательнѣйшій. При совѣщаніяхъ же частныхъ и маловажныхъ, какъ-то нерѣдко случается, сдѣлкахъ, приличнѣе всего рѣчь простая и непринужденная. Какой Ораторъ не постыдился бы требовать въ возвратъ ничтожнаго долга мѣрными періодами? или надрываться въ спорѣ о стокѣ воды съ сосѣдней крышки, или потѣть надъ доказательствомъ справедливой платы за проданнаго слугу.

II. Поелику и красота и ясность рѣчи зависитъ отъ выраженій, или взятыхъ порознь, или соединенныхъ между собою, то разсмотримъ,

чего требуютъ онѣ въ томъ и другомъ случаѣ. Хотя справедливо полагаютъ, что ясности способствуютъ слова, въ собственномъ смыслѣ взятыя, а красотѣ переносныя; однако надлежитъ знать, что всякое несобственное реченіе не можетъ служить украшеніемъ. Но какъ многія слова весьма часто означаютъ одну и туже вещь, и называются подобозначащими (*Синонимами*), то въ семъ числѣ иныя почитаются благопристойнѣйшими, благороднѣйшими, красивѣйшими, пріятнѣйшими, благозвучнѣйшими. Ибо какъ буквы, къ произношенію удобныя, сообщаютъ яснѣйшій звукъ слогамъ, изъ нихъ составленнымъ, такъ и реченія отъ слоговъ заимствуютъ свою звучность: и слоги чѣмъ болѣе имѣютъ силы и звука, тѣмъ пріятнѣе слуху. И какое дѣйствіе происходитъ отъ соединенія слоговъ, такое жъ бываетъ и отъ соединенія словъ; такъ что иное слово находимъ благозвучнѣе, когда поставится на ряду съ такимъ, а не другимъ словомъ.

Однако и реченія употребляются съ разборомъ. Ежели говоримъ о произшествіяхъ насильственныхъ, жестокихъ, то здѣсь и слова приличествуютъ болѣе грубыя и для слуха противныя. Вообще же между словами простыми тѣ почитаются лучшими, которыя или явственнѣе произносятся, или пріятнѣе для уха. Выраженія скромныя всегда предпочитаются неблагопри-

стойнымъ; а срамныя не должны имѣть и мѣста въ рѣчи благоразумнаго Оратора. Даже слова блестящія и высокія заимствуютъ достоинство свое по большей части отъ предмета. Ибо тоже реченіе въ одномъ мѣстѣ покажется великолѣпно, а въ другомъ надуто, и выраженіе низкое для предмета важнаго будетъ прилично предмету, меньше возвышенному. И какъ въ рѣчи чистой, исправной низкое слово, наподобіе пятна, въ глаза бросается; такъ и реченіе высокое и отборное бываетъ неумѣстно и смѣшно въ обыкновенномъ разговорѣ.

Есть выраженія, изящность которыхъ болѣе чувствовать, нежели изъяснить можно; какъ напримѣръ у Виргилія:

Caesâ jungebant foedera porcâ, (8. Aen. 641).

Красота состоитъ въ употребленіи женскаго имени вмѣсто мужескаго: сказать *porco* было бы слишкомъ низко. А въ нѣкоторыхъ намѣреніе сочинителя уже очевидно. Мы недавно, да и справедливо, смѣялись надъ однимъ стихотворцемъ, который неудачно сказалъ:

Praetextam in cista mures rosere Camilli.

Между тѣмъ какъ удивляемся сему полустишію Виргилія:

Saepe exiguus mus.

Ибо послѣ прилагательнаго имени *exiguus*, поставленнаго толь прилично и свойственно, намъ

ожидать ничего уже не осталось; число единственное здѣсь гораздо выразительнѣе, и самое окончаніе односложнымъ реченіемъ придаетъ не малую красоту. По сей причинѣ Горацій не усумнился подражать такому примѣру:

Nascetur ridiculus mus.

Не всегда надлежитъ возвышать слогъ; иногда нужно и понижать его. Часто и низкія реченія придаютъ предметамъ еще болѣе силы. Цицеронъ, говоря Пизону: *Ты, котораго все семейство везено было на тѣлегѣ*, употребилъ, кажется, низкое выраженіе; но не тѣмъ ли самымъ увеличилъ презрѣніе къ человѣку, котораго погубить хотѣлъ?...

√III. Слова суть или собственныя, т. е. языку свойственныя, коренныя, или вновь составленныя, или метафорическія, т. е. переносныя. Собственныя имена заимствуютъ свое достоинство отъ древности: онѣ дѣлаютъ рѣчь и важнѣе и величественнѣе тѣмъ, что ихъ не всякой употребляетъ. П. Виргилій часто прибѣгалъ къ нимъ, однако съ величайшею разборчивостію, для украшенія своего слога. *Olli, Quianam, Mi, Pone*, и проч. встрѣчаются повсюду въ его твореніяхъ, и представляютъ ту неподражаемую для искуства величественность древности, которая и въ живописи насъ толико плѣняетъ. Но потребна въ семъ умѣренность; не надобно искать

словъ въ вѣкахъ слишкомъ отдаленныхъ. Глаголъ *Quaeso* довольно обвѣтшалый; на что употреблять его нынѣ, когда можно замѣнить и другимъ? *Oppido*, которое находимъ у нашихъ недавняго времени Писателей, теперь ѐдва ли сносно. И *Antigerio*, что значитъ тоже, развѣ изъ пустаго тщеславія кто скажетъ или напишетъ. *Avtumo* еще терпимо; но трагическія выраженія, *Prolem ducendam, universam ejus prosapiam*, никуда не годятся. Что говорить много? почти весь языкъ измѣнился. Нѣкоторыя однако реченія, по самой старинѣ своей нравятся, нѣкоторыя же по необходимости пріемлются, какъ *nuncupare*, и *fari;* а есть и такія, которыя могутъ быть изрѣдка употребляемы къ удовольствію любопытныхъ слушателей, лишь бы только не было примѣтно излишняго къ тому пристрастія или натяжки....

Составлять новыя слова, какъ (*) я сказалъ въ первой книгѣ, свойственнѣе Грекамъ, кои

(*) Сіе мѣсто нами пропущено: тамъ Фабій о новыхъ словахъ выражается такъ: Однако можно иногда и на сіе отважиться: ибо, какъ говоритъ Цицеронъ, новыя слова кажутся сперва грубы, но употребленіемъ умягчаются. При всемъ томъ надлежитъ наблюдать великую осторожность, означая вещи новыми именами. И дѣйствительно, кому нынѣ понравятся справедливо похваляемыя въ Гомерѣ и другихъ древнихъ писателяхъ *balare* или *hinnire?* Мы сносимъ ихъ только изъ уваженія къ древности.

звукомъ и даже душевнымъ нѣкоторымъ чувствованіямъ давали сообразныя названія, подражая въ томъ первобытнымъ человѣкамъ. Но мы какъ въ составленіи одного слова изъ многихъ, такъ и въ произведеніи одного отъ другаго, рѣдко брали съ успѣхомъ подобную вольность. Ибо помню, и это было еще въ молодости моей, какъ Помпоній и Сенека спорили между собою, правильно ли сказалъ Акцій въ своей Трагедіи *Gradus eliminat.* Напротивъ древніе смѣло употребляли *Expectorat,* и подобное сему *Exanimat.*

Производства словъ находимъ примѣръ у Цицерона въ *Beatitas* и *Beatitudo*, которыя хотя и кажутся дики, но употребленіе можетъ, по мнѣнію его, познакомить съ ними короче. И не только отъ словъ, но даже и отъ именъ собственныхъ, произведены нѣкоторые глаголы, какъ у Цицерона *Syllaturit,* у Азинія *Fimbriaturit* и *Figulaturit.*

У насъ много реченій, съ Греческаго языка составленныхъ; и сіе нововведеніе приписывается большею частію Сергію Флавію. Нѣкоторыя еще не всѣми одобряются, какъ-то: *Ens, Essentia;* но я не вижу причины, для чего презираемъ ихъ; въ семъ случаѣ, кажется, мы сами къ себѣ несправедливы: хотимъ лучше сносить бѣдность, нежели одолжаться.

Иныя однакожъ у насъ удержались. Ибо тѣ, которыя нынѣ кажутся обвѣтшалыми, были нѣкогда новы, а иныя съ недавняго времени вошли въ употребленіе. Мессала употребилъ первый *Reatus*, и Августъ *Munerarium*. Мои учители еще сомнѣвались, можно ли сказать *Piraticam*, какъ говоримъ *Musica* и *Fabrica*. *Favor* и *Urbanus* почитаетъ Цицеронъ реченіями новыми. Ибо въ письмѣ къ Бруту говоритъ: *Eum amorem, et eum* (*ut hoc verbo utar*) *favorem in consilium advocabo*. И въ письмѣ же къ Аппію Пульхру: *Te hominem non solum sapientem, verum etiam* (*ut nunc loquuntur*) *urbanum*. Онъ же думаетъ, что Теренцій употребилъ первый *Obsequium*; Целій, пиша къ Сисеннѣ, также первый сказалъ *Albenti coelo*. Гортензій, *Cervicem*, кажется, прежде всѣхъ поставилъ въ единственномъ числѣ; а древніе произносили оное во множественномъ.

Итакъ надобно быть посмѣлѣе. Ибо я отнюдь не согласенъ съ Цельсомъ, который запрещаетъ Оратору всякое новое выраженіе. Поелику между словами языка иныя суть врожденныя, *nativa*, какъ Цицеронъ называетъ, то есть, отъ перваго чувствія нашего происходящія; иныя вновь изобрѣтены и составлены изъ первыхъ; и какъ уже не въ нашей власти состоитъ замѣнять другими реченіями тѣ, какія первыми грубыми людьми даны предметамъ, то почему бы

не позволялось потомкамъ производить одно слово отъ другаго, измѣнять окончанія, соединять и составлять одно изъ многихъ? И ежели нововводимое выраженіе кажется нѣсколько смѣлымъ, тогда нужны нѣкоторыя пристойныя оговорки, какъ-то: *Да такъ скажу, если можно сказать, нѣкоторымъ образомъ, да позволено мнѣ будетъ.* Такая же предосторожность потребна и въ разсужденіи переносныхъ реченій, когда на свойственность переноса не совсѣмъ надѣемся. Сія заботливость покажетъ, что мы и сами чувствовали излишнюю смѣлость выраженія. У Грековъ весьма выразительно называется это (*προεπιπλήσσειν τῇ ὑπερβολῇ*) *оговорка въ употребленіи преувеличенія.*

О достоинствѣ переносныхъ словъ судить иначе не можно, какъ въ связи цѣлой рѣчи. Итакъ уже довольно говорено о словахъ, порознь взятыхъ, которыя сами по себѣ не составляютъ никакого совершенства. Не льзя однако сказать, чтобъ онѣ не заключали въ себѣ и нѣкоторой красоты, когда бываютъ не ниже выражаемаго предмета. Я не говорю здѣсь о предметахъ срамныхъ, кои прямыми, неприкрытыми именами означаются, и не вхожу въ споръ съ тѣми, кои (*)

(*) Это мнѣніе есть Циническихъ философовъ и нѣкоторыхъ Стоиковъ. О семъ видѣть можно письмо Цицерона къ Пету. кн. 9. п. 22.

думаютъ, что и срамныхъ реченій избѣгать не надобно, поелику нѣтъ, по мнѣнію ихъ, наименованій, въ существѣ своемъ зазорныхъ, и, ежели предметъ срамень, то и чрезъ другое названіе туже самую мысль внушитъ. Я, имѣя въ виду цѣломудріе Римскаго народа, отмщу за оскорбленіе общественныхъ нравовъ моимъ молчаніемъ, какъ и во многихъ случаяхъ то дѣлалъ.

IV. Итакъ перейдемъ теперь къ украшенію цѣлой рѣчи. Оно заключается въ наблюденіи сихъ двухъ главныхъ правилъ: Придумать родъ слововыраженія, а потомъ произвести оное на самомъ дѣлѣ. Ибо, прежде всего, надобно знать, что нужно намъ въ рѣчи увеличить или унизить, что произнести стремительно или скромно; забавно, или важно; пространно или кратко; грубо или нѣжно; пышно или тонко; величаво или вѣжливо; а послѣ разсудить, какими лучше иносказаніями, какими фигурами, какими мыслями, въ какой степени и въ какомъ расположеніи, можемъ достигнуть нашего намѣренія.

Но, предположивъ говорить о украшеніи рѣчи, коснусь прежде противныхъ сему недостатковъ: ибо первое достоинство есть не имѣть оныхъ. И вопервыхъ, нѣтъ надежды, что бы рѣчь наша была красна, если не будетъ правдоподобна. Правдоподобнымъ же Цицеронъ называетъ такой слогъ, коимъ ни больше ни меньше

должнаго что-либо выражается. Изъ сего не слѣдуетъ, чтобы о чистотѣ онаго радѣть не надлежало; ибо и чистота есть часть украшенія; но разумѣется, что гдѣ излишество, тамъ вездѣ порокъ. Итакъ Цицеронъ хочетъ, чтобъ въ словахъ была значительность и сила, а въ мысляхъ или важность или по крайней мѣрѣ сообразность со мнѣніями людей и со нравами. При сохраненіи таковыхъ качествъ, дозволяетъ онъ прибѣгать и къ тѣмъ пособіямъ, которыя рѣчь могутъ сдѣлать красивѣе: не безъ пріятности употребляются метафоры, превосходныя степени, имена прилагательныя, сложныя и тожде значащія, и даже слова, отъ подражанія дѣйствію и природѣ вещей взятыя.

Но поелику начали мы говорить о порокахъ, замѣтимъ, что порокомъ почитать должно вопервыхъ срамословіе, *κακόφατον*.

Послѣ срамословія, можно порокомъ назвать низость выраженій, коими великость или достоинство предмета умаляется, какъ напримѣръ, *Saxea est verruca in summo montis vertice*, сказалъ Катонъ. Порокъ сему противный, но отъ такой же погрѣшительности происходящій, есть давать предметамъ малымъ наименованія несоразмѣрныя, ежели дѣлается это только не для смѣху. По чему отцеубійцу не льзя назвать негодяемъ, а человѣка, прилѣпившагося къ непо-

требной дѣвкѣ, злодѣемъ: названіе для перваго мало, для послѣдняго велико. Итакъ бываетъ Слововыраженіе слабое, низкое, сухое, скучное, небрежное, подлое. Пороки сіи обнаруживаются яснѣе противоположными совершенствами. Ибо есть рѣчь, отличающаяся остротою, изящностію, обиліемъ, пріятностію, чистотою, возвышенностію.

Также избѣгать надобно извѣстнаго недостатка, по которому выраженія наши кажутся неполными; и дѣйствительно чего-то въ нихъ недостаетъ къ ясному уразумѣнію. Сіе однакожъ отнести справедливѣе можно къ рѣчи темной, нежели небрежной; но когда выражаемся такимъ образомъ съ особеннымъ намѣреніемъ, тогда называется сіе фигурою, такъ какъ и повтореніе одного и того же слова. Хотя великіе Писатели и немного старались избѣгать сего недостатка, но онъ не перестанетъ казаться порокомъ, въ который и самъ Цицеронъ часто впадалъ, не опасаясь отъ кого-либо толь легкаго замѣчанія; напримѣръ, въ рѣчи за Клуенція (N. 9.) сказалъ: Итакъ не только *судъ* сей не былъ, *судіи*, похожъ на *судъ*.

Но порокъ большей важности есть единообразіе въ выраженіяхъ, которое, идя однимъ и тѣмъ же шагомъ, не можетъ облегчить скуки никакою новостію, и, будучи, такъ сказать,

одного цвѣта, ясно показываетъ недостатокъ Ораторскаго искуства. Оно и по холодности мыслей, и по повторенію тѣхъ же оборотовъ, и по длинѣ періодовъ, не только для ума, но и для уха бываетъ весьма непріятно.

Еще остерегаться надлежитъ безъ нужды растягивать свои выраженія, какъ находимъ у Ливія: *Послы, не могши испросить мира, возвратились во свояси, откуда пришли.* Но похожая на сіе Перифразисъ почитается за красоту.

И *πλεονασμός* есть порокъ, когда рѣчь обременяется излишними словами: *Я видѣлъ собственными моими глазами;* ибо довольно сказать, *видѣлъ.* Подобную погрѣшность остро и забавно осмѣялъ Цицеронъ въ Гирціѣ, который въ рѣчи своей противъ Пансы, сказалъ объ одной женщинѣ, что она десять мѣсяцевъ носила сына своего *въ утробѣ. Какъ?* подхватилъ онъ, *не уже ли другія носятъ въ карманѣ.* Однако образъ выраженія, примѣръ коего приведенъ выше, употребляется иногда для бо́льшаго подтвержденія, какъ здѣсь:

.... *Vocemque his auribus hausi.* (4. Aen. 359.)

Но будетъ порокъ, когда дѣлается то безъ всякой нужды, попусту.

Къ симъ недостаткамъ можно прибавить и ту дѣятельность, но тщетную, заботливость, коею отъ рачительнаго разнится любопытный,

и отъ благочестиваго суевѣрный. Короче сказать, всякое слово, которое ни ясности, ни украшенію рѣчи не способствуетъ, можетъ назваться погрѣшительнымъ.

Κακόζηλον, то есть, принужденная выисканность, есть порокъ, изкажающій всякую рѣчь вообще. Ибо выраженія надутыя, и слишкомъ тонкія, и нѣжныя, и избыточествующія, и сжатыя, и веселыя, разумѣются подъ симъ именемъ. Наконецъ *κακόζηλον* называется все то, что выходитъ за предѣлы совершенства, когда разумъ, не утверждаясь на разсудкѣ, обманывается мнимою красотою. Нѣтъ порока хуже и опаснѣе въ Краснорѣчіи: ибо другихъ избѣгаемъ, а сего ищемъ, и онъ состоитъ собственно въ Слововыраженіи. Мысли наши бываютъ худы по тому, что или неосновательны, или слишкомъ обыкновенны, или пусты, или противорѣчащи между собою: а недостатокъ слога заключается наиболѣе въ несобственности реченія, въ безполезномъ ихъ обиліи, въ темныхъ оборотахъ, въ изложеніи слабомъ, въ дѣтскомъ пристрастіи къ словамъ двоесмысленнымъ, или подобное окончаніе имѣющимъ. Все же принужденно выисканное есть ложно, хотя ложное не всегда бываетъ выисканно, какъ напримѣръ, когда говоримъ о чемъ нибудь иначе, нежели оно было на самомъ дѣлѣ, или иначе, нежели дóлжно, или менѣе, нежели

сколько должно. Словомъ, есть столько же случаевъ, по которымъ рѣчь портится, и по которымъ украшается. Но о семъ изложено пространнѣе въ другомъ (*) моемъ сочиненіи, и здѣсь, по приличію, многое изъ него заимствовать будемъ. Ибо говоря о украшеніи рѣчи, постараюсь означить и другіе пороки, коихъ избѣгать надлежитъ, показавъ сходство ихъ съ совершенствами...

V. Еще не льзя назвать украшеніемъ рѣчи, когда она только ясна и правдоподобна. Первыя степени къ ея совершенству есть въ точности обнять умомъ предметъ свой, потомъ умѣть изобразить его словомъ: третья же, дать сему приличный блескъ; вотъ что есть, собственно говоря, прямое украшеніе.

Итакъ, поелику *ἐνάργειαν*, о которой я упоминалъ, говоря о Повѣствованіи, есть нѣчто болѣе, нежели ясность, или, какъ другіе говорятъ, есть представленіе паче, нежели ясность; ибо сія нѣкоторымъ образомъ оказывается, а другое такъ явно, что и не видѣть его не можно: то и помѣстимъ оное въ число украшеній. Великое достоинство есть выражать вещи словомъ такъ живо, чтобъ онѣ представлялись намъ какъ предъ глазами. Ибо рѣчь производитъ

(*) Его разсужденіе о порчѣ Краснорѣчія.

недовольно дѣйствія, и не торжествуетъ совершенно, какъ бы надлежало, когда поражаетъ только ухо, или когда судья думаетъ, что слышитъ одно простое повѣствованіе, а не видитъ, какъ бы, предъ собою дѣла, о которомъ мы говоримъ. Но поелику такое изящество рѣчи раздѣляется на многіе виды, число коихъ еще нѣкоторыми увеличивается изъ одного славолюбія, то я коснусь только нужнѣйшихъ.

Итакъ первую красоту въ семъ родѣ составляетъ живое изображеніе вещей, какъ на картинѣ, напримѣръ:

Constitit in digitos extemplo arrectus uterque.
(2. Aen. 426.)

Вдругъ оба мышцами вверхъ розмахи даютъ,
И вытянясь, ногъ на персты привстаютъ.

И слѣдующіе за тѣмъ стихи положеніе сошедшихся бойцовъ представляютъ намъ такъ, какъ бы мы сами ихъ видѣли. Читая въ рѣчи Цицерона (7. Verr. n. 85) противъ Верреса сіе мѣсто: *Преторъ Римскаго народа, одѣтый и обутый по Греческому обычаю, въ пурпуровой мантіи, въ длинномъ нижнемъ платьѣ, стоитъ на берегу моря, опершись на плечо непотребной женщины,* кто бы имѣлъ толь холодное воображеніе, чтобы не могъ представить себѣ не только осанки Верреса, или мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе,

но и не прибавишь чего нибудь въ умѣ къ тому, о чемъ умолчено Ораторомъ? Я по крайней мѣрѣ воображаю себѣ живо и лице и взоры, и гнусныя обоихъ ласки, и тайное негодованіе и оскорбленное цѣломудріе тѣхъ, кои притомъ находились.

Также изъ собранія многихъ обстоятельствъ составляется живая картина какого-либо дѣйствія; чему примѣръ опять находимъ у Цицерона, который, не говоря о другихъ, можетъ и одинъ служить достаточнымъ образцемъ украшенія рѣчи. Вотъ какъ описываетъ онъ роскошное и буйное пиршество: *Мнѣ кажется, вижу иныхъ входящихъ, иныхъ исходящихъ, однихъ шатающихся отъ вина, другихъ дремлющихъ и зѣвающихъ отъ вчерашняго излишества. Между ими находился Галлій, намащенный благовоніями и цвѣтами увѣнчанный. Полъ храмины покрытъ всякою нечистотою, улитъ виномъ, усыпанъ изорванными цвѣточными вѣнками; вездѣ валялись рыбьи кости.* Что увидѣлъ бы болѣе сего вдругъ туда вошедшій?

Такимъ же образомъ возбуждается сострадание при расказѣ о разграбленіи какого ни есть города. Конечно, повѣствованіе о взятомъ непріятелями городѣ подаетъ нѣкоторое понятіе о бѣдствіяхъ, неразлучныхъ съ таковыми случаями; но краткое извѣстіе насъ меньше трогаетъ. А когда изложимъ въ подробности то,

что въ одномъ словѣ заключается, тогда представится пожирающее домы и храмы пламя, трескъ падающихъ кровель, изъ различныхъ воплей воедино слившійся крикъ и шумъ; представятся граждане, бѣгущіе, не зная сами, куда, объемлющіе въ послѣдній разъ родныхъ своихъ; отдадутся въ ушахъ рыданія женъ и дѣтей, стенанія старцевъ, по несчастію до горестнаго дня сего доживших; вообразится хищеніе всего мірскаго и священнаго стяжанія; какъ бы на яву узрятся непріятельскіе воины, то выносящіе свою добычу, то за нею опять возвращающіеся; плѣнники, заключенные въ оковы, и гонимые каждый предъ своимъ побѣдителемъ; матери, силящіяся спасать младенцевъ при грудяхъ своихъ; наконецъ остервененіе враговъ, по мѣрѣ надежды на большія пріобрѣтенія всегда возрастающее. Хотя все сіе заключается въ понятіи о взятомъ приступомъ городѣ, однако подробное описаніе ощутительнѣе, нежели простое извѣстіе.

Но таковыя подробности будутъ ощутительны только тогда, когда онѣ правдоподобны: впрочемъ, можно предположить, чего и не было въ подобномъ случаѣ, однако быть легко можетъ. Такая же ясность выходитъ отъ посторонних случайностей:

.....Mihi frigidus horror
Membra quatit, gelidusque coit formidine sanguis.

Т. е. *Всѣ уды моего оцѣпѣнѣли тѣла,*

И хладна въ жилахъ кровь отъ ужаса густѣла.

И,... *Trepidae matres pressere ad pectora natos.*

Т. е. *И матери къ сосцамъ вздрогнувши чадъ прижали.*

Сего высокаго совершенства достигнуть, по мнѣнію моему, весьма не трудно. Надобно только имѣть въ виду природу и ей слѣдовать. Краснорѣчіе не иное что есть, какъ изображеніе дѣлъ житейскихъ: всякъ относитъ къ себѣ, что̀ слышитъ, и то удобнѣе въ умѣ внѣдряется, что̀ для него уже не ново.

Но для разлиянія свѣта на предметы, о коихъ говорить намъ случается, весьма удачно изобрѣтены уподобленія, изъ которыхъ иныя служатъ къ подтвержденію, и потому въ число доводовъ полагаются, а другія употребляются для живѣйшаго представленія образа предлежащаго намъ предмета; о каковыхъ здѣсь идетъ рѣчь.

....Inde lupi ceu

Raptores atra in nebula. (2. Aen. 355).

Т. е. *Какъ волки хищные, сквозь мглу, со тощимъ чревомъ,*

Съ отверстымъ на корысть, какую встрѣтятъ, звѣвомъ, и проч.

И, ... *avi similis, quae circum littora, circum*

Piscosos scopulos humilis volat aequora juxta.

(4. Aen. 254.)

Т. е. *Какъ птица вдоль бреговъ, гдѣ отмѣли рыбъ полны,*

Межъ камней носится, ложащася на волны.

При семъ крайне остерегаться надобно, чтобъ приводимое для подобія не было темно и мало извѣстно. Ибо то, что̀ приводится для поясненія мысли, должно быть яснѣе той самой мысли. По чему оставимъ Стихотворцамъ такого рода уподобленія:

Qualis, ubi hybernam Lyciam, Xanthique fluenta
Deserit, aut Delon maternam invisit Apollo.

(4. Aen. 143.)

Т. е. *Коль красенъ Феббъ, когда Ликійскую страну*
И Ксанѳа гладкую оставя быстрину,
Въ отечественный Дилъ путь паки направляетъ.

Оратору не прилично объяснять мысль свою толь скрытными уподобленіями.

Но и тотъ сравненія родъ, о коемъ мы говорили въ статьѣ о Доводахъ, много красить рѣчь, и придаетъ ей нѣкое благородство, пріятность и даже величественность. Ибо чѣмъ изъ дальнѣйшаго источника почерпаются онѣ, тѣмъ новѣе кажутся и болѣе поражаютъ своею нечаянностію. Слѣдующія сравненія могутъ пока-

заться слишкомъ обыкновенными, однако и способствуютъ много къ увѣренію: *Какъ земля отъ воздѣлыванія, такъ разумъ отъ ученія становится лучше и плодоноснѣе. И, какъ врачи отнимаютъ гніющіе члены отъ тѣла, такъ и порочныхъ и вредныхъ гражданъ, хотя они съ нами родствомъ соединены были, щадить не должно.* У Цицерона въ рѣчи за Архію находимъ примѣры въ слогѣ возвышеннѣйшемъ: *Каменныя скалы и пустыни голосу отвѣтствуютъ; дикіе звѣри часто сладкимъ пѣніемъ умягчаются и дѣлаются ручными,* и проч. Но сей родъ уподобленій много искажается отъ своевольства нашихъ Декламаторовъ. Они или приводятъ примѣры несообразные, или худо принаравливаютъ ихъ къ своему предмету. Я помню, какъ, въ молодости моей, всѣ удивлялись симъ сравненіямъ *Великія рѣки судоходны и въ своихъ исходищахъ. И, доброе дерево лишь посадишь, то плодъ увидишь.*

Но во всякомъ сравненіи или предшествуетъ подобіе, а потомъ вещь слѣдуетъ, или предшествуетъ вещь, а подобіе за тѣмъ слѣдуетъ. Иногда же подобіе стоять можетъ и отдѣльно. Однако гораздо лучше, если поставится оно вмѣстѣ съ вещію, которую изображаетъ; чрезъ сіе яснѣе покажется ихъ между собою отношеніе; и такое соединеніе ихъ называется *ἀνταπόδοσις*.

Подобіе предшествуетъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ:

Какъ волки хищные, и проч.

А въ первой книгѣ Георгикъ (v. 512.) оно послѣдуетъ, когда Стихотворецъ, оплакавъ бѣдствія междоусобной и внѣшней войны, заключаетъ:

Ut, cum carceribus sese effudere quadrigae,
Addunt se in spatia; et frustra retinacula tendens
Fertur equis auriga, neque audit currus habenas.

Но въ томъ и другомъ примѣрѣ прямо невидно связи или сношенія.

Сношеніе же сіе состоитъ въ томъ, когда двѣ сравниваемыя вещи какъ будто предъ глаза представляемъ, показывая и ту и другую въ одно время. Я нахожу у Виргилія много прекрасныхъ сему примѣровъ; но лучше брать ихъ изъ Ораторовъ. Въ рѣчи за Мурену Цицеронъ говоритъ: *Какъ сказываютъ, что у Грековъ тѣ, кои не могутъ играть на лирѣ, принимаются обыкновенно за флейту: такъ и у насъ тѣ, кои не могли сдѣлаться Ораторами, берутъ на себя должность Правовѣдцевъ.* Онъ на другомъ мѣстѣ въ той же рѣчи почти уже стихотворчески выражается, однако не опуская и Антаподосиса или противоположенія; отъ чего еще большая красота раждается: *Какъ бури и непогоды воздвигаются часто извѣстнымъ нѣкіимъ созвѣздіемъ, часто вдругъ*

и нечаянно, отъ сокровенной и невѣдомой причины: такъ и мятежныя волненія въ народныхъ собраніяхъ раждаются иногда отъ видимаго вліянія; иногда же движитель ихъ столь потаенно дѣйствуетъ, что надлежитъ, кажется, приписать оныя одному слѣпому случаю. Къ сему же роду причисляются и краткія уподобленія: *Скитаются по лѣсамъ, какъ дикіе звѣри.* И употребленное Цицерономъ противъ Клодія: *Послѣ суда сего, какъ послѣ пожара, нагъ остался.* И множество подобныхъ встрѣчается даже въ обыкновенныхъ разговорахъ.

Сюда же относится искуство не только изображать вещи живо, но изображать притомъ кратко и разительно. Справедливо похваляется краткость безъ недостатка; однако мы не много похвалы заслуживаемъ, когда скажемъ только то, что сказать должно. Это называется *βραχυλογία*: мы упомянемъ о семъ въ главѣ о фигурахъ. Самая же изящная краткость есть, когда въ немногихъ словахъ нѣчто великое заключается, какъ у Саллюстія: *Mithridates corpore ingenti, perinde armatus.* Однако, подражая сему, можно сдѣлаться иногда и темнымъ.

Къ вышесказанному роду красотъ близко подходитъ родъ выраженій, гораздо превосходнѣйшій, называемый *ἔμφασις*, въ которомъ болѣе подразумѣваемъ, нежели слова сами по себѣ

означаютъ. Онъ раздѣляется на два вида: то есть, иногда больше означаетъ, нежели сказано; а иногда означаетъ то, чего и не сказано.

Примѣръ перваго находимъ у Гомера (4. Odyss. 272.), когда Менелай говоритъ, что Греки засѣли въ брюхѣ коня: ибо величину онаго однимъ словомъ показываетъ. И у Виргилія:

Demissum lapsi per funem..... (2. Aen. 262.)

Т. е. *По верви падаютъ съ стремленіемъ на низъ:* А симъ означается вышина его. Тотъ же Стихотворецъ, говоря о Циклопѣ, что онъ безмѣрнымъ тѣломъ вдоль пещеры протянулся, пространствомъ мѣста показалъ мѣру огромнаго тѣла.

Слѣдующій видъ состоитъ въ одномъ словѣ, которое или не договариваемъ, или вовсе отбрасываемъ, какъ дѣлаетъ Цицеронъ (N. 15.) въ рѣчи за Лигарія: *Ежели бы на толь высокой степени счастія и могущества не былъ ты, Цезарь, милосердъ самъ по себѣ, такъ, самъ по себѣ; и я знаю, что говорю.* Ибо здѣсь Ораторъ не договариваетъ, однакожъ всякому понятно, что были люди, кои возбуждали его на жестокость. Совсѣмъ же отбрасывается слово чрезъ фигуру умолчаніе, *ἀποσιώπησις*; о чемъ будемъ говорить на своемъ мѣстѣ.

Емфазисъ бываетъ даже въ самыхъ простонародныхъ выраженіяхъ, какъ напримѣръ: *На-*

добно быть человѣкомъ. И, *Также и онъ человѣкъ.* И, *Надобно жить.* Вотъ какъ близка природа къ искуству!

Однако для истиннаго Краснорѣчія еще недовольно того, чтобъ рѣчь наша сопровождалась живостію и ясностію: потребны другія и многія пособія къ ея украшенію. Ибо и слогъ простый, непринужденный и непритворный имѣетъ свою красоту, но красоту чистую, естественную, каковая нравится и въ женскомъ полѣ. Есть выраженія красивыя, но точныя, собственныя, безъ примѣтнаго раченія избранныя. Есть также иныя богатствомъ, иныя цвѣтами обильныя. Не одно средство усилитъ наше слово. Ибо все, что̀ произведено въ своемъ родѣ безъ недостатка, не можетъ не имѣть своего дѣйствія....

VI. Но величайшее пособіе Оратора состоитъ въ увеличеніи и уменьшеніи предметовъ. Для того и другаго можно найти много средствъ; я коснусь главнѣйшихъ: остальныя сходны съ ними. А поелику средства сіи заключаются въ словахъ и мысляхъ, то, какъ о изобрѣтеніи послѣднихъ уже говорено было, теперь изъяснимъ, какъ возвышается вещь, или понижается слововыраженіемъ.

ГЛАВА IV.

О РАСПРОСТРАНЕНІИ (Amplificatio), ИЛИ УВЕЛИЧЕНІИ И УМЕНЬШЕНІИ ВЕЩЕЙ СЛОВОМЪ.

Первый способъ увеличенія заимствуется отъ имени вещи, о которой говоримъ. — Четыре главныхъ родовъ увеличенія. I. Наращеніе. II. Сравненіе. III Умствованіе или выводъ. IV. Совокупность. — Столько же способовъ есть для уменьшенія, сколько и для увеличенія.

Первый способъ увеличить или уменшить вещь заключается въ названіи оной; напримѣръ, когда говоря о человѣкѣ, который былъ только битъ, скажемъ, что онъ убитъ; или худаго поведенія человѣка назовемъ разбойникомъ; и напротивъ о человѣкѣ, который билъ, скажемъ, что толкнулъ, который поранилъ, что только осаднилъ. Того и другаго рода примѣръ находимъ въ рѣчи (N. 38.) за М. Целія: *Ежели какая нибудь вдова вольнаго поведенія, безстыдная, дерзкая,*

любострастная, ведетъ себя, какъ публичная зазорная женщина, не уже ли назвать любодѣемъ человѣка, сдѣлавшаго ей нѣсколько вольное привѣтствіе? Ибо здѣсь Цицеронъ безстыдницу назвалъ непотребною, а о молодомъ человѣкѣ сказалъ, что онъ сдѣлалъ ей нѣсколько вольное привѣтствіе.

Сей родъ увеличенія становится еще сильнѣе и явнѣе, когда простымъ именамъ вещей противополагаемъ еще названія выразительнѣйшія; какъ Цицеронъ противъ Верреса: *Не вора, но хищника; не любодѣя, но открытаго врага цѣломудрія; не святотатца, но неистоваго презрителя всякой святыни; не убійцу, но жесточайшаго палача гражданъ и союзниковъ, предъ вами, судіи, теперь обвиняемъ.* Ибо здѣсь однимъ способомъ мысли умножаются, а другимъ увеличиваются.

Итакъ мнѣ кажется, что всякое распространеніе или увеличеніе состоитъ изъ четырехъ родовъ: Наращенія, Сравненія, Выводовъ или Заключеній, Собранія или Совокупности мыслей.

I. *Наращеніе,* incrementum, есть самое сильное средство; тогда и малые предметы представляются великими. Оно состоитъ или изъ одной степени или многихъ. По онымъ восходимъ не только на самый верьхъ, но иногда нѣ-

которымъ образомъ и того выше. Для сего довольно одного примѣра; Цицеронъ говоритъ: *Дѣло важное обложить узами гражданина Римскаго, преступленіе сѣчь розгами, почти отцеубивство умертвить; а что скажу, повѣсить?* Ежели бы Ораторъ сказалъ, что гражданинъ только *сѣченъ розгами*, то уже увеличилъ бы одною степенью жестокость Верреса; ибо и *обложить оковами* есть дѣло важное, но не столь виновное. А ежели бы сказалъ, что гражданинъ сей просто *умерщвленъ*, то Ораторъ увеличилъ бы вину Претора многими степеньми. Сказавъ же, что *умертвить есть почти отцеубивство*, чего законопреступнѣе нѣтъ уже ничего, прибавилъ: *что скажу, на крестѣ повѣсить?* Такимъ образомъ, доведя поступокъ Верреса до послѣдней степени злодѣянія, по нуждѣ не нашелъ словъ для дальнѣйшаго изъясненія.

Можно также прибавлять нѣчто и сверхъ превосходной степени, какъ у Виргилія о Лавсѣ:

.....Quo pulchrior alter
Non fuit, excepto Laurentis corpore Turni.

(7. Aen. 649.)

Лавсъ, сынъ его,
По Турнѣ красотой всѣхъ вышитъ до единa.

Превосходная степень здѣсь есть *всѣхъ вышитъ красотой.* Но Стихотворецъ даетъ подразумѣвать нѣчто выше сего.

Есть и третій способъ увеличенія, которое идетъ не по степенямъ; оно представляетъ предметы самыми великими, но такими, какихъ больше и быть не можетъ. *Ты убилъ мать свою. Что сказать болѣе? Ты убилъ мать свою.* Сей родъ увеличенія показываетъ только, что простираться далѣе не можно.

Рѣчь распространяется еще не такъ явно, не такъ видимо, но тѣмъ, кажется, разительнѣе, когда безъ раздѣленія въ составѣ и продолженіи оной, непрерывно слѣдуютъ мысли одна за другой важнѣйшія. Такъ обличаетъ Цицеронъ (2. Philip. 63.) М. Антонія въ пьянствѣ, по случаю рвоты, послѣдовавшей отъ того всенародно: *Да и въ собраніи Римскаго народа, отправляющій общественную должность, начальникъ конныхъ воиновъ.* Каждое слово есть наращеніе. Дѣйствіе рвоты само по себѣ отвратительное и не въ собраніи: и въ собраніи не народа: народа даже не Римскаго: послѣдовавшее съ человѣкомъ и должностнымъ, и не государственнымъ, и не начальникомъ всадниковъ. Другой бы все сіе раздѣлилъ, и при всякой степени остановился: а Цицеронъ идетъ своимъ путемъ, и достигаетъ послѣдней степени не удвоеннымъ усиліемъ, но какъ бы стремительнымъ полетомъ.

II. Какъ сей родъ увеличенія всегда стремится отъ меньшихъ къ высшимъ мыслямъ,

шакъ увеличеніе чрезъ сравненіе наращается опъ меньшихъ. Ибо чѣмъ больше вещесшва собирается въ низу, шѣмъ болѣе поднимается верьхъ. Вошъ примѣръ изъ шой же рѣчи (2. Philip. 63.) и мѣсша: *Ежели бы случилось сіе съ тобою за столомъ, въ какихъ нибудь пьянственныхъ бесѣдахъ, пиршествахъ, кто бы не почелъ того за постыдную непристойность? Въ собраніи же Римскаго народа!* И прошивъ Кашилины: *Если бы рабы мои и служители боялись меня такъ, какъ тебя боятся всѣ твои согражданс, то по истинѣ бѣжалъ бы я своего дома.*

Иногда, прилагая примѣръ, какъ будшо для сравненія, надобно между шѣмъ сшарашься, чшобы оный былъ сильнѣе, нежели шо, чшò увеличишь намѣреваемся. Такъ посшупилъ Цицеронъ, говоря за Клуенція: расказавъ исшорію объ одной Милешской женщинѣ, кошорая, будучи подкуплена опъ дальнихъ наслѣдниковъ своего мужа, исшребила плодъ еще во чревѣ своемъ, *не большаго ли*, воскликнулъ, *наказанія достоинъ Оппіаникъ, въ подобномъ же злодѣяніи обличенный? Та, дѣлая насиліе тѣлу своему, сама себя мучила: а сей тоже самое сдѣлалъ, нанеся насиліе и муку чужому тѣлу.*

Да не подумаешъ кшо, чшо я здѣсь говорю шоже, о чемъ было уже сказано въ главѣ о Доводахъ, кои должны располагашься шакъ, чшобы

за слабѣйшими слѣдовали всегда сильнѣйшіе. Хотя въ семъ и есть нѣкоторое сходство; но тамъ стараемся только доказать, а здѣсь увеличить: какъ въ приведенномъ сравненіи противъ Оппіаника не о томъ идетъ дѣло, что онъ сдѣлалъ худо, но сдѣлалъ хуже. Однако и въ вещахъ различныхъ встрѣчается нѣкоторое сходство и сближенность.

Итакъ повторяю здѣсь тотъ же примѣръ, который и тамъ приведенъ мною, но съ другимъ намѣреніемъ. Ибо я хочу показать, что для увеличенія мыслей, сравнивается не одно цѣлое съ цѣлымъ, но и части съ частями, какъ напримѣръ: *Не уже ли П. Сципіонъ, мужъ знаменитый и почтенный, достойный первосвященникъ, но человѣкъ частный, усумнился бы собственною рукою поразить Гракха, возмутившаго нѣсколько тишину Республики? Мы ли Консулы, мы ли потерпимъ Катилину, желающаго мечемъ и огнемъ опустошить вселенную.* Здѣсь сравнивается и Катилина съ Гракхомъ, и Республика со вселенною, и легкое потрясеніе ея съ опустошеніемъ отъ меча и огня, и частный человѣкъ съ Консулами. Вотъ обильные источники, если бы кто хотѣлъ распространяться.

III. Я сказалъ, что есть родъ увеличенія, которое дѣлается чрезъ *Выводы:* разсмотримъ. довольно ли значительно мое выраженіе. Впро-

чемъ я мало о семъ забочусь, лишь только бы меня понимали желающіе полезныхъ наставленій Однако я употребилъ оное потому, что такое увеличеніе индѣ встрѣчается, а индѣ и свое дѣйствіе производитъ: чтобъ увеличить одинъ предметъ, иногда увеличиваемъ другой, и изъ того извлекаемъ послѣдствіе для возвышенія перваго. Цицеронъ, упрекая Антонія пьянствомъ и рвотою, говоритъ: *Возможно ли, чтобъ ты съ такою глоткою, съ такимъ пространнымъ чревомъ, съ такимъ гладіаторскимъ великотѣлесіемъ и крѣпостію не могъ вынести учиненнаго тобою излишества!* Какое, скажете, здѣсь отношеніе глотки и чрева къ пьянству? Весьма близкое; ибо судить посему можемъ, сколько долженъ былъ Антоній выпить вина на свадьбѣ Гиппіи, когда и съ гладіаторскою крѣпостію тѣла не вынесъ послѣдствій, бывающихъ отъ излишества. Итакъ, ежели отъ одной вещи дѣлается заключеніе о другой, то выраженія *Выводъ* не льзя почесть несобственнымъ и неупотребительнымъ.

Такого рода увеличеніе берется иногда отъ послѣдующихъ обстоятельствъ, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ дѣлается *Выводъ* или *Заключеніе*, что Антоній выпилъ непомѣрное количество вина; поелику рвота сія произошла не отъ случая, не отъ легкой внутренней тошноты, но по самой необходимости и въ такомъ

мѣстѣ, гдѣ наиболѣе отвратительна по своей непристойности; да и пища и питіе, не вновь принятыя, но чрезъ цѣлую ночь обременявшія желудокъ, были извержены.

Иногда же выходитъ увеличеніе отъ обстоятельствъ предшествовавшихъ. Ибо, когда Еолъ, по просьбѣ Юноны,

. . . . . Cavum conversa cuspide montem
Impulit in latus, ac venti, velut agmine facto,
Quà data porta, ruunt: (1. Aen. 81).

Т. е. *И скипетра однимъ ударомъ вмигъ*
Бокъ тощія горы властительно раздвигъ;
Отверстьемъ вѣтры симъ, рать нагла, вылетаютъ:

и уже видно, коль ужасна должна быть буря.

Не есть ли также увеличеніе чрезъ *Выводъ*, когда, изложивъ дѣянія самыя гнусныя, и обративъ на нихъ негодованіе слушателей, потомъ извиняемъ ихъ, дабы послѣдующія за тѣмъ сдѣлать еще ненавистнѣйшими? Такая уловка видна въ рѣчи Цицерона противъ Верреса: *Злодѣянія въ преступникѣ семъ маловажныя: начальникъ корабля, принадлежащій къ знаменитѣйшему городу, отъ сѣченія розгами откупился золотомъ: это дѣло почти обыкновенное. Другой, чтобъ сберечь свою голову, откупился золотомъ: и сему дивиться нечего.* Не употребилъ ли здѣсь Ораторъ умствованія, изъ котораго должны были

слушатели заключить, сколь велико имѣетъ быть преступленіе, о коемъ говорить будетъ далѣе, когда преждеобъявленное названо неважнымъ и обыкновеннымъ?

Сюда же относится увеличеніе, когда, вознося одну вещь, возносимъ другую, какъ напримѣръ, выхваляя воинскіе подвиги Аннибала, возвышаемъ доблести Сципіона. Удивляемся мужеству Галловъ и Германцевъ, и тѣмъ болѣе увеличиваемъ славу Цезаря.

Родъ увеличенія выходитъ также изъ отношенія одного предмета къ другому, когда кажется, что рѣчь наша совсѣмъ не касается предмета, о коемъ говоримъ, но въ самомъ дѣлѣ клонится къ его увеличенію. Напримѣръ: Троянскіе военачальники (З. Il. 246. etc.) не вмѣняютъ ни себѣ, ни Грекамъ въ безславіе, что толико бѣдствій и чрезъ толь долгое время претерпѣваютъ за красоту Елены. Какова же быть должна сія красота? Говоритъ это не Парисъ, ее похитившій: ни пылкій юноша, или человѣкъ малозначущій: но старцы мудрые, и совѣтъ Пріамовъ составляющіе. Да и самъ Царь, изнуренный десятилѣтнею войною, потерявшій большую часть дѣтей своихъ, угрожаемый величайшею опасностію, коему красота сія, источникъ толикихъ слезъ, долженствовала быть ненавистна и несносна, все сіе слышитъ, называетъ Елену своею

дщерію, сажаетъ подлѣ себя, и не хочетъ вѣрить, чтобъ она была виною претерпѣваемыхъ имъ бѣдствій.

Мы даже по оружію древнихъ героевъ можемъ судить о великомъ ростѣ и силѣ ихъ. Представимъ себѣ щитъ Аякса и копье Ахиллеса, и будемъ имѣть понятіе о тѣхъ, кои употребляли ихъ. Такое прекрасное увеличеніе находимъ у Виргилія въ описаніи Циклопа. Ибо что подумать надобно о такомъ великанѣ, который, вмѣсто палки огромнымъ пнемъ подпирался.

Trunca manum pinus regit?

И когда тотъ же Стихотворецъ говоритъ о *кольчугѣ*, которую Фегей и Сагарисъ *едва держали всей силою раменъ*, то можно вообразить, каковъ былъ Димолей, который въ ней

.....Cursu palantes Troas agebat,

Среди кровава бою,

Разсыпанныхъ Троянъ гонялъ передъ собою.

И Цицеронъ не могъ ничѣмъ сильнѣе изобразить роскоши М. Антонія, какъ сказавъ: *Ты увидѣлъ бы и въ жилищѣ рабовъ его стѣны, украшенныя драгоцѣнными обоями Кн. Помпея.* Драгоцѣнныя обои, и драгоцѣнныя обои Помпея Великаго, и въ жилищѣ рабовъ: болѣе сказать не льзя. Чтожъ надобно подумать о домѣ самаго господина?

Сіе походитъ на то, что называется ἔμφασις: но разница въ томъ, что ἔμφασις въ словѣ, а это въ самомъ предметѣ заключается, и тѣмъ одно другаго разительнѣе, что вещь всегда сильнѣе словъ.

IV. Можно причесть къ увеличенію также извѣстный наборъ мыслей и выраженій, тоже означающихъ. Ибо, хотя онѣ и не постепенно возвышаются, составляютъ однако нѣкоторую, такъ сказать, *массу*. *На кого ты, Туберонъ,* (Pro Lig. N. 9.) *обнажалъ мечь свой во время Фарсальской битвы? Кого ты имъ пронзить хотѣлъ? Съ какимъ намѣреніемъ принялъ ты оружіе? Куда ты устремлялъ тогда мысли, очи, руки, все твое рвеніе? Чего ты желалъ? Чего искалъ?* Сіе походитъ нѣсколько на фигуру, *συναθροισμὸν* называемую: но въ ней бываютъ собраны въ одно мѣсто многія вещи, а здѣсь одна и таже только увеличивается. Однако и здѣсь можно возвышать мысль словами, постепенно выразительнѣйшими: *При немъ всегда находился стражъ темничный, орудіе жестокостей Претора, страшилище и смерть Римскихъ гражданъ и нашихъ союзниковъ, Ликторъ его Секстій.*

Такимъ же почти образомъ вещи умаляются и понижаются. Ибо восходимъ и нисходимъ обыкновенно по тому же числу степеней. По чему довольно будетъ и одного примѣра изъ

Цицерона о рѣчи Рулла: *Немногіе, стоявшіе по случаю вблизи, подозрѣвали, что онъ хотѣлъ что-то говорить о законѣ о раздѣленіи полей.* И дѣйствительно, ежели Цицеронъ сими словами хотѣлъ дать знать, что Рулла слушатели не поняли, то будетъ пониженіе; а ежели отнести ихъ къ неясности рѣчи, то будетъ увеличеніе.

Я знаю, что Ипербола можетъ показаться также видомъ увеличенія: ибо она служитъ и къ увеличенію и къ умаленію вещей. Но, поелику Ипербола переступаетъ за предѣлы истины и свойства вещей, какъ то и названіе ея показываетъ, то и отнесемъ ее къ тропамъ, о которыхъ можно бы было говорить теперь же непосредственно, если бы они не составляли особеннаго рода Слововыраженія, которое состоитъ не въ реченіяхъ собственныхъ, а переносныхъ. Итакъ удовлетворимъ прежде почти всеобщему желанію: не прейдемъ молчаніемъ и того рода украшеній, которыя отъ большей части людей почитаются нынѣ главною и почти единственною принадлежностію Ораторскаго достоинства.

ГЛАВА V.

О ЗАМЫСЛОВАТЫХЪ КРАТКИХЪ МНѢНІЯХЪ.
(Sententiae.)

I. Мнѣнія сіи суть разныхъ родовъ. Мнѣніе или gnoma. Enthimema и Epichirema. — Noima. — Заключеніе. II. Одни держатся мнѣній, другіе ихъ вовсе отвергаютъ. — Тѣ и другіе не право судятъ.

I. Древніе называли *Мнѣніемъ* (Sententia) все то, что у насъ на умѣ, что мыслимъ. Въ семъ же точно смыслѣ весьма часто принимали оное не только Ораторы, но и въ обыкновенной рѣчи нѣкоторые слѣды того знаменованія остались. Ибо, и утверждая что-либо клятвою, и поздравляя кого нибудь со счастливымъ успѣхомъ, прибавляемъ, что говоримъ отъ душевнаго чувствія, *ex animi sententia*. Однако и слово *Sensa* иногда въ томъ же значеніи употреблялось: а слово *sensus*, чувства, относилось только къ тѣлу.

Но обыкновеніе сдѣлало, что уже всѣ умоначертанія стали называть *sensus*, чувствами: а острыя, рѣзкія и блестящія мысли, и особливо при концѣ періодовъ рѣчи полагаемыя, мнѣніями (*sententiae*). Въ старину онѣ изрѣдка употреблялись, нынѣ же безъ мѣры расточаются. По сему и почитаю не за излишнее показать вкратцѣ различные роды ихъ и прямое ихъ употребленіе.

Самыя древнія суть тѣ, которыя мы общимъ именемъ, хотя оно и всѣмъ родамъ принадлежитъ, называемъ *Мнѣніями*, *Sententiae*, а Греки *Gnoma.* Такъ наименованы онѣ по тому, что почитаются за правила, или паче законы относительно нравственности. Слѣдовательно *Sententia* есть изрѣченіе, вообще истинное, и похвальное, даже и внѣ связи съ предметомъ, къ коему прилагаемъ оное. Относится такое изрѣченіе иногда къ вещи, каково сіе: *Ничто такъ не привлекаетъ сердецъ, какъ добродушіе.* А иногда къ лицу, какъ у Афра Домиція: *Государь, который хочетъ все знать, поставляетъ себя въ необходимость многое прощать.*

Мнѣнія бываютъ или простыя, т. е. одну мысль заключающія, какъ вышеприведенное; или содержащія и причину къ своему утвержденію: *Во всякомъ спорномъ дѣлѣ сильнѣйшій, хотя бы и обиженъ былъ, кажется обидчикомъ потому, что онъ сильнѣе.* Или сложныя, какъ: *Услужли-*

вость раждаетъ друзей, а правда враговъ. Примѣчательнѣе всѣхъ мнѣніе, изъ противныхъ состоящее: *Смерть не есть бѣдствіе, но приближеніе къ смерти есть бѣдственно.* Иныя выражаются просто и прямо, напримѣръ: *Скупому изъ того, что онъ имѣетъ, недостаетъ столько же, сколько чего не имѣетъ.*

Но онѣ гораздо сильнѣе бываютъ, когда выражены чрезъ фигуру, какъ:

Usque adeone mori miserum est? (12. Aen. 646).

Не ужъ ли впрямъ бѣда толика есть умрети? Ибо сказать просто, *смерть не бѣда*, было бы гораздо слабѣе. Также когда мысль общая превращается въ частную. Ибо сказанное вообще: *Вредить легче, нежели дѣлать добро*, Медея у Овидія сильнѣе выразила; сказавъ:

Servare potui, perdere an possim, rogas?

Цицеронъ (Pro Lig. 38.) обращаетъ мысль на лице: *Въ высокомъ счастіи твоемъ, Цезарь, нѣтъ ничего бо́льшаго, какъ возможность спасать несчастныхъ, ниже въ душевныхъ качествахъ твоихъ ничего лучшаго, какъ желаніе производить то на самомъ дѣлѣ.* Такимъ образомъ относитъ къ человѣку то, что вещамъ принадлежитъ.

При семъ остерегаться надобно слишкомъ частаго подобныхъ мнѣній употребленія и видимой въ нихъ несообразности..... Онѣ не у каждаго въ устахъ имѣютъ свое достоинство, и

болѣе производятъ дѣйствія, когда слышимъ ихъ отъ особъ почтенныхъ: тогда важностію лица подкрѣпляется важность мысли. Ибо не показалось ли бы неумѣстно и смѣшно, если бы дитя, или неопытный юноша, или человѣкъ малозначущій вздумалъ въ рѣчь свою вмѣшивать высокія разсужденія, и давать нѣкоторымъ образомъ наставленія?

Ентимемою называется также все то, что умомъ постигаемъ: однако имя сіе дается свойственнѣе мысли, изъ противныхъ выводимой, поелику она всѣ прочія превосходитъ: такъ подъ именемъ Стихотворца разумѣемъ Гомера, подъ именемъ города, Римъ; ибо между Стихотворцами Гомеръ, а между городами Римъ всѣхъ превосходнѣе. Но сей родъ Ентимемы служитъ иногда не столько доводомъ и утвержденіемъ рѣчи, сколько украшеніемъ, какъ здѣсь: (Pro Lig. 10.) *Итакъ тѣ, кои обязаны своею ненаказанностію твоему, Цезарь, милосердію, тѣ самые будутъ поощрять тебя на жестокость?* Ибо Цицеронъ приводитъ здѣсь не новую причину; но сказавъ все прочее предварительно, хочетъ только яснѣе показать несправедливость такого поступка; онъ при концѣ рѣчи прибавилъ мысль, размышленіе въ видѣ *Епифонемы*, не для подтвержденія, а болѣе для посрамленія своего соперника. Ибо Епифонема есть напряженное восклицаніе, упо-

требляемое при концѣ какого нибудь повѣствованія или приведенныхъ доказательствъ, какъ напримѣръ:

Tantae molis erat Romanam condere gentem!

(1. Aen. 37.)

Толикихъ стоило бореній и труда

Власть Рима основать цвѣтущу навсегда!

Или у Цицерона (Pro Mil. 9): *Итакъ благонравный юноша захотѣлъ лучше подвергнуть себя опасности, нежели снести поруганіе.*

Есть нѣчто и такое, что нынѣ называется *νόημα*, подъ каковымъ названіемъ можно разумѣть всякое понятіе. Наши остроумные словесники пожаловали титломъ симъ такія вещи, о которыхъ не говорятъ, а хотятъ между тѣмъ, чтобы всѣ ихъ понимали. Вотъ примѣръ: Одинъ молодый человѣкъ, котораго неоднократно избавляла сестра отъ обязательства вступить въ общество Гладіаторовъ, просилъ въ судѣ, чтобы съ нею поступлено было по закону *равнаго воздаянія* (talio); поелику она, не придумавъ инаго средства отвратить его отъ постыднаго ремесла сего, отрѣзала у него спящаго большой на рукѣ палецъ, дабы привесть его въ несостояніе сражаться. Защитникъ сестры сказалъ брату: *Ты заслуживалъ, чтобы всѣ пальцы были у тебя на рукѣ цѣлы.* Ибо здѣсь подразумѣвается: *чтобы ты на всю жизнь остался Гладіаторомъ.*

Они называютъ нѣчто также странно Заключеніемъ, *Clausula.* *Ежели бы* они разумѣли подъ симъ именемъ обыкновенное заключеніе рѣчи, то и мы бы на сіе согласились: ибо также заключеніе бываетъ иногда нужно, какъ здѣсь: *По чему, Тубероnъ*, (Pro Lig. N. 2.) *самому тебѣ надлежитъ признаться въ своемъ преступленіи прежде, нежели будешь обвинять Лигарія.* Но о томъ только стараются, чтобы всякое мѣсто, всякая мысль при концѣ рѣчи поражали ухо какою нибудь выисканною странностію. Ораторъ, по мнѣнію ихъ, не долженъ давать слушателямъ отдыху; ему нужны безпрерывныя рукоплесканія. А отсюда раждаются мелочныя, ложныя и къ предмету не принадлежащія поговорки. Ибо не льзя найти столько хорошихъ мыслей, сколько встрѣтиться можетъ подобныхъ заключеній въ продолженіе рѣчи...

Нѣкоторыя мнѣнія заимствуютъ цѣну свою только отъ усугубленія или удвоенія мысли; какъ въ сочиненномъ Сенекою отъ имени Нерона посланіи къ Сенату, когда, по убіеніи матери, тиранъ сей притворился, что и его жизнь была въ опасности: *Еще и теперь не вѣрю и не радуюсь, что уже миновалось противъ меня злоумышленіе.* Онѣ заключаютъ въ себѣ больше красоты, когда составлены изъ противоположеній, какъ сказалъ Цицеронъ. (Lib. 8. Ep. 7.) пиша

къ Аттику о Помпеѣ и Цезарѣ: *Вижу, кого убѣгать долженъ, но за кѣмъ послѣдовать, не вижу....*

Кромѣ сего, многіе гоняются за самыми мелочными понятіями, которыя съ перваго виду показываютъ остроту ума, а если разобрать ихъ, найдутся смѣха достойными. Напримѣръ, о человѣкѣ, который претерпѣлъ кораблекрушеніе, и который, видя безплодіе полей своихъ, удавился, въ школахъ говорятъ: *Кого не принимаетъ ни земля, ни море, тому пришлось висѣть.* Равно и о находившемся въ бѣшенствѣ, который раздиралъ зубами собственные свои члены, и которому отецъ принужденъ былъ дать выпить яду: *Кто ѣстъ это, долженъ и это выпить.* И на распутнаго, который, промотавъ все свое имѣніе, вознамѣрился уморить себя голодомъ: *Прими яду; пьяница долженъ умереть отъ питья....* Исчислить не можно всѣхъ образцевъ толь неправильнаго и смѣшнаго выраженія мыслей. Обратимъ лучше вниманіе наше на нужнѣйшее.

II. О употребленіи острыхъ, разительныхъ мыслей, вотъ два совсѣмъ противныя мнѣнія: одни полагаютъ, что чѣмъ больше ихъ въ рѣчи, тѣмъ рѣчь бываетъ красивѣе; а другіе ихъ вовсе отвергаютъ. Я ни того, ни другаго не одобряю.

Острыя мысли, одна подлѣ другой, взаимно отнимаютъ у себя и блескъ и силу, ежели часто

и близко одна отъ другой поставляемы будутъ. Какъ видимъ на растенiяхъ и плодахъ древесныхъ, что до настоящей величины и зрѣлости ничто не достигаетъ, когда нѣтъ достаточнаго къ сему пространства. И живопись не имѣетъ своего блеску, если ничто въ ней не отличено. По тому-то художники, хотя и много предметовъ на картинѣ помѣщаютъ, но стараются оставлять между ими нѣкоторое разстоянiе, дабы тѣни на тѣла не падали.

Этоже самое дѣлаетъ рѣчь прерывистою. Ибо каждая *Сентенцiя* заключаетъ въ себѣ собственную полную мысль, послѣ которой должна необходимо начинаться другая. А тогда рѣчь, будучи какъ бы раздробленна на многiя частицы, а не изъ членовъ составлена, не будетъ имѣть надлежащей связи своей; какъ и тѣла, со всѣхъ сторонъ округленныя, не могутъ плотно соединяться между собою.

Сверхъ того и слогъ, хотя и возвышенный, будетъ пестриться, такъ сказать, разными пятнами. И дѣйствительно, какъ пурпуровые *банты* (clavus) (*), на своемъ мѣстѣ положенные, придаютъ великую красоту одеждѣ, такъ и многими различныхъ цвѣтовъ уборами выложенное платье

(*) Clavi назывались пурпуровые банты, которые нашивались на Сенаторскихъ платьяхъ, наподобiе гвоздиной шляпки.

потеряетъ всю благопристойность. Почему хотя такія мѣста и кажутся блистательны, однако блескъ сей подобенъ не огню, а паче искрамъ, въ дыму сверкающимъ; да ихъ совсѣмъ не видно будетъ, ежели вся рѣчь блестяща, какъ при солнцѣ звѣзды сами собою перестаютъ быть видимы: и ежели мѣста сіи частыми и малыми усиліями иногда возвышаются, за то дѣлаютъ рѣчь только неровною и какъ бы *скачущею*, такъ что, теряя пріятность простоты, не пріобрѣтаютъ удивленія своею высокостію.

Къ сему прибавить должно, что тотъ, кто плѣняется такого рода мыслями, не можетъ избѣжать, чтобы не употребить, по необходимости, изреченій маловажныхъ, холодныхъ, несообразимыхъ; ибо тамъ избирать нельзя, гдѣ велико число потребностей. Почему и видимъ, что зараженные такою страстію и раздѣленію даютъ видъ отборнаго мнѣнія, и доказательствамъ, придумывая какое нибудь разительное изреченіе. *Ты, будучи самъ прелюбодѣй, убилъ жену свою: если бы ты и развелся только съ нею, то и тогда былъ бы неизвинителенъ.* Вотъ образъ ихъ раздѣленія. *Хочешь знать, не ядъ ли это любовный? Ежели бы сей несчастный не принялъ его, то бы въ живыхъ остался.* Вотъ ихъ доводъ. Между тѣмъ не много острыхъ мыслей отъ нихъ услышишь, однако они выдаютъ ихъ за таковыя.

Есть напротивъ люди, кои не терпять и тщательно убѣгають сихъ, по ихъ мнѣнію, опасныхъ прикрасъ рѣчи; имъ болѣе нравится слогъ ровный, простый, безъ всякаго напряженія. И для того, боясь иногда не упасть, всегда пресмыкаются. Но что находять они порочнаго въ замысловатомъ изреченіи, когда употреблено будетъ у мѣста? Не уже ли испортять дѣло? Не уже ли судья не обратитъ на него своего вниманія? Не уже ли не послужитъ къ чести самаго Оратора?

Скажутъ мнѣ, что сей родъ украшеній не былъ въ употребленіи у древнихъ. Но къ какой древности хотятъ обратить насъ? Ежели до самой глубокой, то и Димоѳенъ много правилъ прибавилъ, до него никому неизвѣстныхъ. Можетъ ли Цицеронъ полюбиться тому, кто думаетъ, что не должно нимало отступать отъ слога Катона и Гракховъ? Но до нихъ слогъ былъ еще простѣе.

Что касается до меня, я осмѣливаюсь такія блестящія въ рѣчи мысли уподобить глазамъ Краснорѣчія. Но не хочу, чтобъ глаза сіи были по всему тѣлу, дабы и прочіе члены могли отправлять свою должность. И ежели это было бы необходимо, то я лучше согласился бы ту старинную грубость предпочесть нынѣшней непомѣрной вольности. Есть однакожъ во всемъ

*

средина: какъ въ образѣ пищи и одежды произошла уже нѣкоторая, непредосудительная впрочемъ, перемѣна и опрятность, то и нужно только хорошее новое соединять со старинными добродѣтелями. Но прежде всего стараться надобно не имѣть пороковъ, дабы, желая сдѣлаться лучшими древнихъ образцевъ, не отступить отъ нихъ вовсе.

Теперь обратимся къ *Тропамъ.* Симъ именемъ лучшіе наши Писатели называютъ нѣкорыя извѣстныя измѣненія въ словоовыраженіи. На сей предметъ правилами обыкновенно занимаются Грамматики. Но я, говоря о должности ихъ, (Том. I, стр. 41.) не распространялся тамъ по оной части, для того, что здѣсь показалось мнѣ для нее мѣсто гораздо приличнѣе.

ГЛАВА VI.

О ТРОПАХЪ.

Тропы суть двоякаго рода. I. Одни употребляются для большаго выраженія: Метафора, Синекдоха, Метонимія, Антономасія, Ономатопея, Катахресисъ. II. Другіе для украшенія: Епитетонъ, Аллегорія, Енигма, Иронія, Перифразисъ, Иперба-тонъ, Ипербола.

Тропъ есть выразительная перемѣна или искусный переносъ слова или рѣчи отъ собственнаго значенія на другое. Между Грамматиками, и даже между Философами, происходитъ некончаемый споръ о родахъ, видахъ, числѣ троповъ и о ихъ между собою отношеніи. Оставивъ всѣ тонкости, которыя къ наставленію Оратора ни мало не принадлежатъ, покажемъ только нужнѣйшіе и употребительнѣйшіе тропы. При семъ довольно замѣтить, что иные изъ нихъ употребляются для сильнѣйшаго вы-

раженія, а иные для одного украшенія рѣчи; что состоятъ въ собственныхъ реченіяхъ, иные въ переносныхъ, и что не только образъ словъ, но и образъ мыслей и словосочиненія, ими иногда превращается. По чему, кажется мнѣ, тѣ ошибались, кои думали, что только настоящій тропъ бываетъ, когда одно слово полагается вмѣсто другаго. Я знаю и то, что находится красота и въ тѣхъ тропахъ, кои для сильнѣйшаго только выраженія употребляются; но употребляемые для одного украшенія не могутъ имѣть равной значительности.

I. Итакъ начнемъ съ самаго употребительнѣйшаго и съ самаго красивѣйшаго: то есть, съ переноснаго знаменованія; что у Грековъ называется *Метафорою.* Она такъ врожденна человѣку, что у самыхъ невѣждъ вырывается нечувствительнымъ образомъ: но еще пріятнѣе и красивѣе бываетъ, когда въ высокой рѣчи собственнымъ свѣтомъ сіяетъ. Ибо когда она со вкусомъ выискана, не можетъ имѣть ничего слишкомъ обыкновеннаго, низкаго и непріятнаго. Она умножаетъ также обиліе всякаго языка, или измѣняя, или заимствуя инуды, чего въ немъ недостаетъ: и, что всего важнѣе, производитъ то, что, кажется, нѣтъ ни одной вещи, которая не имѣла бы своего имени.

Почему имя или слово переносится отъ одного мѣста, гдѣ оно свойственно, на такое, гдѣ или нѣтъ свойственнаго, или перенесенное лучше свойственнаго. Мы дѣлаемъ сіе или по нуждѣ, или по тому, что переносное слово выразительнѣе, или, какъ я сказалъ, красивѣе. А гдѣ не достигнемъ сихъ трехъ условій, тамъ не будетъ правильной Метафоры. По нуждѣ называетъ селянинъ висящій на виноградной лозѣ плодъ *кистію*, ибо какъ можетъ онъ назвать иначе? Также по нуждѣ говоритъ *поля жаждутъ, и плоды чахнутъ*. По нуждѣ называемъ человѣка немилостиваго *жестокимъ;* поелику нѣтъ собственнаго имени для означенія подобныхъ расположеній души. Когда же говоримъ о человѣкѣ, что онъ *горитъ гнѣвомъ, воспламененъ страстію*, или *впалъ въ заблужденіе*, тогда ищемъ сильнѣйшаго выраженія. Ибо все сіе переносными словами объясняется болѣе, нежели собственными. А для красоты говоримъ: *Свѣтило Витійства, Пресвѣтлый родъ, бурныя движенія народныхъ собраній, рѣки красноръчія:* такъ Цицеронъ въ рѣчи за Милона, называетъ *Клодія источникомъ Милоновой славы*, и на другомъ мѣстѣ, *жатвою и веществомъ*....

√ Вообще Метафору можно почесть за сокращенное подобіе: разность между ими состоитъ только въ томъ, что подобіемъ сравнивается

вещь, которую выразить хотимъ, а въ первой поставляется самая вещь, съ которою сравниваемъ. Такъ, напримѣръ, когда говорю, что этотъ человѣкъ *сражался, какъ левъ*, дѣлаю сравненіе: а когда скажу, *этотъ человѣкъ левъ*, будетъ Метафора.

Я всѣ Метафоры раздѣляю на четыре рода: первый, когда между одушевленными существами одно поставляется вмѣсто другаго; какъ у Стихотворцевъ *возница* употребляется вмѣсто *правителя*:

Gubernator magna contorsit equum vi.

и какъ Титъ-Ливій говоритъ, что Катонъ непрестанно *лаялъ* на Сципіона. Второй, когда вещь неодушевленная берется за другую тогоже рода, какъ у Виргилія:

Classique immittit habenas.

Третій, когда вмѣсто вещей одушевленныхъ, ставимъ неодушевленныя:

Ferro an fato virtus Argivûm occidit.

Желѣзомъ или рокомъ пало мужество Грековъ.

Наконецъ четвертый родъ, когда для означенія вещи неодушевленной употребляемъ выраженія, существамъ одушевленнымъ присвоенныя:

Sedet inscius alto

Accipiens sonitum saxi de vertice pastor. (2. Aen. 307.)

Пастухъ съ крутой скалы незапный внемля ревъ

И особливо изъ послѣдняго источника раждают-

ся высокія и удивительныя красоты, когда смѣлыми и почти дерзкими Метафорами возвышаемся до того, что вещамъ безчувственнымъ даемъ какъ бы душу и чувствіе; примѣръ у Виргилія:

Pontem indignatus Araxes. (8. Aen. 728.)

Араксъ бунтующій высоко мечетъ валъ,

Ярясь, что крѣпкій мостъ брега его сковалъ.

И какъ дѣлаетъ Цицеронъ на семъ мѣстѣ въ рѣчи за Лигарія: *На кого устремлялся обнаженный мечъ твой, Тубронъ, на Фарсальскомъ полѣ? Кого пронзить хотѣлъ остріемъ своимъ? Какая цѣль была твоего оружія?* Иногда Метафора сія удвоется, какъ у Виргилія въ слѣдующемъ стихѣ:

Ferrumque armare veneno. (9. Aen. 773.)

(Растворять желѣзо ядовъ сокомъ).

Ибо и *ядомъ вооружать*, и *желѣзо вооружать*, есть двойная метафора....

Но какъ умѣренное и умѣстное употребленіе сего тропа дѣлаетъ слововыраженіе яснымъ: такъ излишній наборъ подобныхъ иносказаній производитъ въ немъ темноту и утруждаетъ вниманіе слушателя: а продолженный далѣе мѣры превращаетъ рѣчь въ Аллегорію и загадку. Есть также Метафоры низкія, какова вышеприведенная мною: *Saxea est verruca*, *Каменная бородавка*. Есть и неблагопристойныя. Хотя Цицеронъ и довольно кстати употребилъ выра-

женіе *Sentina Reipublicae, Стокъ нечистоты*, для означенія скопища людей развращенныхъ и вредныхъ обществу; но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы можно было похвалить и оное одного изъ древнихъ Ораторовъ иносказаніе: *Persecuisti Reipublicae vomicas, Ты прорѣзалъ вередъ Республики.* И самъ Цицеронъ совѣтуетъ всячески остерегаться неблагопристойныхъ Метафоръ, какова приведена имъ въ примѣръ: *Stercus curiae Glavcia. Главція есть пометъ Сената.* Надлежитъ также избѣгать и слишкомъ увеличивающихъ, и, что чаще случается, слишкомъ умаляющихъ, или основанныхъ на ложномъ подобіи. Много примѣровъ сему найдемъ, когда, узнаемъ, что это порокъ. Равно и обиліе иносказаній, изъ мѣры вышедшее, порокомъ почитается, и особливо, когда онѣ одного и того же рода: также непріятны бываютъ, когда выводятся, берутся отъ отдаленнаго сходства, какъ (Horat. l. 4. Od. 13.) *Capitis nives, Снѣги головы;* и (Id. l. 2. Sat. 5.) *Jupiter hybernas cana nive conspuit Alpes. Юпитеръ сѣдымъ снѣгомъ усыпалъ зимнія Альпы.*

Наиболѣе же погрѣшаютъ тѣ, кои думаютъ, что имъ позволено брать въ прозѣ туже вольность, какую берутъ Стихотворцы, кои все относятъ къ услажденію ума, и, будучи стѣсняемы мѣрою стиха, принуждены бываютъ прибѣгать къ страннымъ выраженіямъ. Но я въ су-

дебной рѣчи не назвалъ бы Царя (2. Il. 85 etc.) *Пастухомъ народа*, послѣдуя Гомеру, и не сказалъ бы, что (Georg. 41. Aen. 6. 19.) *Птицы плаваютъ по воздуху*, и что *гребутъ крыльями*. Хотя Виргилій, говоря о пчелахъ и Дедалѣ, употребилъ сію Метафору съ великою красотою. Ибо Метафора должна или занимать праздное мѣсто, или, занявъ чужое, заключать въ себѣ болѣе силы, нежели имѣло собственное реченіе.

О *Синекдохѣ* предложу нѣсколько пространнѣе. Ибо Метафора употребляется по большей части для пораженія ума, для сильнѣйшаго означенія предметовъ и для представленія ихъ какъ бы предъ самые глаза: а *Синекдоха* можетъ измѣнять рѣчь, то поставляя единственное число вмѣсто множественнаго, часть за цѣлое, видъ за родъ, предъидущее вмѣсто послѣдующаго; и напротивъ: каковые обороты позволительны болѣе Стихотворцамъ, нежели Ораторамъ. И дѣйствительно, какъ въ прозѣ можно сказать *остріе* вмѣсто *меча*, и *кровля* вмѣсто *дома*, такъ не льзя поставить *корму* за *цѣлый корабль*, ниже *сосны* за *доску*. И хотя вмѣсто *меча* позволительно сказать *желѣзо*, но вмѣсто *лошади* сказать *животное четвероногое*, было бы противъ здраваго разсудка.

Но гораздо свободнѣе можетъ Ораторъ перемѣнять числа единственное на множественное,

и напротивъ. Титъ Ливій часто говоритъ: *Romanus praelio victor*, Римлянинъ остался побѣдителемъ, вмѣсто Римляне побѣдили. И напротивъ, какъ Цицеронъ пишетъ къ Бруту: *Не много пыли бросили мы въ глаза народу, и стали причтены къ числу Ораторовъ*, хотя разумѣетъ здѣсь себя одного. Сей образъ выраженія придаетъ красоту не только сочиненіямъ, но и въ обыкновенныхъ разговорахъ непротивенъ....

Отъ Синекдохи не много разнится *Метонимія*, въ которой поставляется одно имя вмѣсто другаго; а иногда причина вмѣсто самаго дѣйствія, изобрѣтатель вмѣсто изобрѣтенія, и обладатель вмѣсто обладаемаго; какъ Церера берется за плоды земные, Нептунъ за море. Но въ превращенномъ порядкѣ выраженіе будетъ не такъ пріятно.

Впрочемъ надобно знать, когда и какъ сей тропъ долженъ употреблять Ораторъ. Ибо въ рѣчи ученой мы хотя и говоримъ *Вулканъ* вмѣсто огня, и *Марсъ* вмѣсто войны; но едва ли совмѣстно съ важностію судебнаго слога сказать *Вакхъ* и *Церера* для означенія вина и хлѣба: такъ какъ содержащее берется иногда за содержимое; напримѣръ: *Благочестивый городъ*, *выпить бутылку*, *счастливый вѣкъ;* а напротивъ рѣдко кто, кромѣ Стихотворца, сказать осмѣлится

Jam proximus ardet
Ucalegon. (2. Aen. 311.)

Уже горитъ Укалегонъ.

Однако говорится: *Этого человѣка съ головы до ногъ съѣли*, вмѣсто *имѣніе его расточили или разграбили.*

Стихотворцы и Ораторы часто употребляютъ сей тропъ, и означаютъ причину дѣйствіемъ, ею производимымъ. Ибо и Стихотворцы говорятъ:

Pallida mors aequo pulsat pede pauperum tabernas
Regumque turres. (Hor. l. 1. Od. 4.) И
Pallentesque habitant morbi, tristisque senectus.
(6. Aen. 275.)

При грозномъ входѣ ада,
Лежатъ рыданіе и мстительна досада,
Болѣзни блѣдны,
Печалей Старость мать....

И Ораторъ можетъ сказать: Безразсудный гнѣвъ, Веселая юность, Лѣнивая праздность...

Антономасія есть тропъ, когда вмѣсто имени полагается что нибудь ему равнозначущее. Тропъ сей свойственъ Стихотворцамъ. Они употребляютъ его, или прилагаютъ къ лицу имя отечественное (patronimique), которое служитъ вмѣсто умолченнаго имени, какъ *Tydides*, *Pelides*, т. е. сынъ Тидея, Пелея; или взимая какое нибудь особенное лица свойство и качество:

....*Divûm pater atque hominum rex.*

О вѣчный и боговъ и человѣковъ царь. (1. Aen. 69.) Или наконецъ, упоминая какое ни есть дѣяніе того лица, которое хотятъ означить:

....*Thalamo quae fixa reliquit*

Impius. (4. Aen 495.)

И все, что онъ злодѣй въ чертогахъ ни оставилъ.

Ораторы, хотя рѣдко, но могутъ иногда тропъ сей употреблять съ довольнымъ приличіемъ. Правда, не скажутъ они *Тидидъ, Пелидъ*; а могутъ сказать, *Разрушитель Карѳагена и Нуманціи вмѣсто Сципіона, глава Римскихъ Ораторовъ вмѣсто Цицерона.* Да и самъ Цицеронъ (N. 60.) употребилъ сію вольность въ рѣчи за Мурену: *Тебѣ не сродны великія ошибки, говоритъ великодушному мужу, опытнѣйшій старецъ; а ежели и погрѣшишь, я могу тебя поправить.* Ни того, ни другаго имени не показано, однако оба подразумѣвать можно.

Ономатопея, то есть, наложеніе новыхъ, вновь придуманныхъ именъ вещамъ, почиталось между первыми преимуществами Греческаго языка; а намъ едва ли оное позволительно. Правда, есть много именъ, которыя первыми виновниками языка нашего наложены вещамъ сходственно свойствамъ оныхъ, какъ-то *рычать, мычать, свистать, роптать,* и проч. Но нынѣ, когда уже, кажется, исчерпанъ сей источникъ, мы ничего

новаго производить не смѣемъ, а между тѣмъ многія, отъ древнихъ изобрѣтенныя слова каждодневно выходятъ изъ употребленія. Мы едва себѣ позволяемъ даже производить ихъ и отъ тѣхъ, которыя давно нами приняты, каковы суть *Syllaturit*, *Proscripturit*, и *Lavreati* (лавровые) *postes*, столпы вмѣсто *lavro coronati* (лавромъ обвитые).

Для сего-то тѣмъ нужнѣе *Катахрезисъ*, тропъ, который справедливо называемъ мы *злоупотребленіемъ*, *abusio*, и по которому вещамъ, не имѣющимъ своего собственнаго названія, даемъ приближеннѣйшее, какъ

....Equum divina Palladis arte
Aedificant (2. Aen. 15.)
Устроили коня величины огромной,
Минервой Греки въ томъ самой умудрены.

И у древнихъ Трагиковъ находимъ: *Et jam leo pariet*, хотя *leo* есть названіе мужескаго рода. (*Leaena* было слово еще неупотребительное) Есть сему тысячи примѣровъ. Называемъ *Acetabula*, уксусницею, всякой сосудъ, чтобы ни содержалъ въ себѣ: и *Pyxides*, коробочками, изъ какого бы вещества онѣ сдѣланы ни были: и *Parricida*, отцеубійцею, хотя бы онъ убилъ мать свою или брата. Тропъ сей отличается отъ Метафоры тѣмъ, что имъ ставится имя, гдѣ совсѣмъ его не было, а Метафорою одно другимъ только замѣняется....

II. Прочіе тропы употребляются болѣе для украшенія рѣчи, нежели для выразительности и силы.

Слововыраженіе украшаютъ *Епитеты*, которыя называемъ мы *Прилогами, прикладами* (Appositum), а нѣкоторые, *Сопровожденіями* (Sequens). Стихотворцы употребляютъ сей тропъ и чаще и съ бо́льшею вольностію. Для нихъ довольно, чтобъ Епитетъ только приличествовалъ слову, къ коему прикладывается: по чему имъ можно простить, когда говорятъ *бѣлые зубы* и *влажное вино.* У Оратора же почитается все то излишнимъ, что не производитъ дѣйствія: а производитъ оное тогда, когда безъ него вещь, о коей говоримъ, представлялась бы въ меньшемъ видѣ, какъ напримѣръ: *О ужасное злодѣяніе! О неистовое похотѣніе!* Но наиболѣе красоты дѣлаютъ *Епитеты переносные: Необузданныя страсти, безумныя зданія.* И часто въ Епитеты входятъ и другіе тропы, какъ у Виргилія: *Постыдная нищета, печальная страсть.*

Такого рода *прилоги* такъ нужны, что безъ нихъ рѣчь кажется голою и какъ бы небрежною. Однако и обременять ее подобными прикрасами не должно. Ибо тогда многословіемъ своимъ и затруднительностію будетъ она походить на полчище, которое имѣетъ столько же *маркитантовъ*, сколько и воиновъ: только

число, а не силы удвоятся. Не смотря на то, прилагается иногда не одно, но и многія слова: какъ

Conjugio, Anchisa, Veneris dignate superbo.

Любимецъ, рекъ, боговъ, блаженъ превыше мѣры,
О удостоенный узъ брачныхъ отъ Венеры.

Такъ соединенные вмѣстѣ *епитеты* не дѣлаютъ красоты и въ стихахъ.

Епитетъ или нѣкоторыми совсѣмъ изключается изъ числа троповъ, поелику онъ ничего не превращаетъ и не перемѣняетъ. Ибо всякой епитетъ, если отдѣлишь отъ слова, къ коему онъ приложенъ, необходимо долженъ что нибудь означать самъ собою, и дѣлать *Антономасію;* ежели скажешь: *Тотъ, кто разрушилъ Кареагенъ и Нуманцію*, будетъ *Антономасія;* если прибавишь *Сципіонъ*, будетъ уже *Прилогъ.* Итакъ епитетъ всегда приставляется къ другому слову.

Аллегорія, которую можно назвать *Извращеніемъ,* иное словами, иное смысломъ, а иногда и противное означаетъ. Примѣръ перваго:

O navis, referent in mare te novi
Fluctus. O quid agis? Fortiter occupa
Portum. (Hor. I. 1. Od. 14.)

Здѣсь у Горація корабль значитъ Республику, волны междуусобную войну, пристанище мирную тишину и согласіе....

Такая Аллегорія часто употребляется Ораторами; но рѣдко чистая: по бо́льшей части вмѣшиваются и выраженія, которыя дѣлают ее открытою, ясною. Вот чистая Аллегорія у Цицерона: *Удивляюсь и болѣзную вмѣстѣ, что человѣкъ такъ склоненъ злословить подобнаго себѣ, что даже не пожалѣетъ для сего разбить корабль, на которомъ самъ плаваетъ.* А здѣсь смѣшанная: (Pro Mil. n. 5.) *Что касается до другихъ непогодъ и бурь, я всегда думалъ, что Милону бояться ихъ надлежало только на семъ мятежномъ морѣ и въ волненіяхъ народнаго собранія.* Если бы не прибавилъ Цицеронъ *волненій народнаго собранія*, была бы Аллегорія чистая: онъ смѣшалъ ее. От такого смѣшенія выраженія заимствуемыя производятъ красоту, а собственныя ясность.

Но ничто такъ не украшаетъ рѣчи, какъ подобіе, Аллегорія и Метафора, вмѣстѣ соединенныя; напримѣръ: (Pro Mur. 35.) *Какой проливъ моря, какой Еврипъ, думаете вы, имѣетъ столько разныхъ движеній, столько перемѣнъ, столько порывовъ, сколько непостоянства, смятенія и противорѣчій находится въ народныхъ собраніяхъ?* Часто одинъ день и одна ночь всему даетъ иный видъ; иногда самый легкій вѣтръ, дуновеніе молвы, всѣ умы низпровергаетъ.

Здѣсь во первыхъ надобно наблюдать, чтобы рѣчь тѣмъ же родомъ Метафоры оканчивалась, какимъ начата. И въ самомъ дѣлѣ, многіе взявъ Метафору отъ бури, кончатъ выраженіями, заимствованными отъ пожара или разрушенія: что показываетъ нестерпимую несообразимость.

Впрочемъ Аллегорія не чужда и простымъ людямъ; употребляется ежедневно и въ общихъ разговорахъ. Ибо и въ судебныхъ рѣчахъ встрѣчаемыя выраженія, pedem conferre, jugulum petere, sanguinem mittere, суть реченія Аллегорическія, и хотя слишкомъ обыкновенны, однако непротивны. Ибо новость и измѣненіе въ словѣ пріятны, и еще болѣе плѣняютъ, когда ихъ не ожидаешь. По сему-то мы нынѣ потеряли въ томъ всю мѣру, и красоту тропа исказили излишнимъ къ нему пристрастіемъ.

Аллегорія иногда заключается и въ примѣрахъ, если они безъ предварительнаго объясненія приводятся. Какъ напримѣръ, у Грековъ вошло въ пословицу: *Діонисій въ Коринѳѣ.* И есть множество подобныхъ сему изрѣченій.

Когда же Аллегорія бываетъ нѣсколько темновата, то называется *Загадкою*, *Aenigma*: но это, по моему мнѣнію, есть порокъ, поелику совершенство рѣчи состоитъ въ ясности. Однако находимъ такія загадки у Стихотворцевъ: (3. Ecl. 104).

*

Dic, quibus in terris, et eris mihi magnus Apollo,
Tres pateat coeli spatium non amplius ulnas?

А иногда и Ораторы, какъ Целій назвалъ Клитемнестру *Квадрантаріею*....

Къ сему же роду относится *Иронія*, которою означаемъ противное тому, что говоримъ; сіе называется также и *насмѣшкою*, которую разумѣть можно или по произношенію голоса, или по лицу, или по свойству вещи, о коей говорится. Ибо, когда слова имъ не приличествуютъ, то и значитъ, что намѣреніе говорящаго есть показать сему противное....

Когда многими словами изъясняемъ то, что можно сказать въ кратчайшихъ, сіе называется *Перифразисъ*, оборотъ рѣчи, иногда по нуждѣ для соблюденія благопристойности употребляемый, какъ у Саллюстія, *ad requisita naturae*, *для естественныхъ нуждъ*. Иногда же къ украшенію рѣчи служитъ, и особенно въ стихахъ; напримѣръ:

Tempus erat, quo prima quies mortalibus aegris
Incipit, et dono Divûm gratissima serpit.

(2. Aen. 268.)

Летѣло оное благопріятно время,
Когда разсѣянно повсюду смертныхъ племя
Почивъ отъ бдѣнія, вкушаетъ сладость сна,
Которая трудовъ въ ослабу имъ дана.

Употребленіе тропа сего и Ораторамъ не возбраняется, но у нихъ онъ долженъ быть, такъ

сказать, сжатѣе. Ибо все то, что можно выразить короче, и что распространяется только для красоты, есть *Перифразисъ*, коему на Латинскомъ языкѣ дано имя не совсѣмъ свойственное *Circumlocutio*, *оговорка*. Но какъ сей самый, когда придаетъ нѣкоторую изящность рѣчи, называется *Перифразисъ*, такъ, употребленъ будучи неискусно, неудачно, уже превратится въ *Периссологію*, *Многословіе*. Ибо въ слововыраженіи все безполезное становится вреднымъ.

Инверсіонъ, или переносъ словъ, чего требуетъ иногда расположеніе и красота рѣчи, есть также тропъ, хорошему слововыраженію способствующій. Ибо весьма часто дѣлается періодъ негладкимъ, затруднительнымъ для выговора, худозвучнымъ, когда реченія ставятся въ нихъ по естественному ихъ порядку, и какое прежде придетъ на мысль, хотя бы одно съ другимъ не имѣло взаимнаго приличія. Итакъ надлежитъ иныя подвигать назадъ, другія выставлять напередъ, какъ дѣлается при строеніяхъ изъ камней нетесанныхъ, гдѣ каждый камень кладется на своемъ мѣстѣ по удобности. И дѣйствительно не въ нашей власти состоитъ обтесывать слова сіи и ровнять ихъ такъ, чтобъ онѣ плотнѣе соединялись между собою: надобно употреблять ихъ, каковы онѣ есть; наше дѣло избирать

для нихъ пристойное мѣсто. Нѣтъ другаго средства сдѣлать рѣчь плавною, благозвучною, пріятною, какъ наблюдая приличную въ словахъ перестановку....

Такая перестановка, если касается только двухъ словъ, называется *anastrophi*, т. е. нѣкоторое превращеніе порядка, какъ въ просторѣчіи *mecum*, *secum*, или *quibus de rebus;* что находимъ у Ораторовъ и Историковъ. Когда слово, для большей красоты, далѣе относится, тогда бываетъ *Иперватонъ*, собственно такъ называемый, какъ здѣсь у Цицерона: *Animadverti, judices, omnem accusatoris orationem in duas divisam esse partes.* (Pro Cluent. n. 1.) Надлежало бы, слѣдуя порядку, сказать: *In duas partes divisam esse;* но это было бы неплавно и безъ пріятности. Стихотворцы не только переставляютъ слова, но и раздѣляютъ ихъ многими другими:

Hyperboreo septem subjecta trioni.

Такая вольность Оратору непозволительна.

Иперболу, какъ тропъ смѣлѣйшій, помѣщаю при концѣ. Она есть изъ мѣры выходящее преувеличеніе: служить можетъ равно и для распространенія и для умаленія: употребляется многими образами. Иногда больше говоримъ, нежели что было: *Vomens frustis esculentis gremium suum et totum tribunal implevit* (2. Philipp. 63.) и

.....*Geminique minantur*

In coelum scopuli (Aen. I. 1. 166.)

Два огромныхъ камня небесамъ угрожаютъ.

Иногда увеличиваемъ предметъ подобіемъ:

. . . . . Credas innare revulsas

Cycladas. (3. Aen. 691.)

Возмнишь, то плаваютъ восторжены

Циклады.

Иногда сравненіе:

. . . . Fulminis ocyor alis. (5. Aen. 319.)

Иногда какъ бы нѣкоторыми знаками:

Illa vel intactae segetis per summa volaret

Gramina, nec teneras cursu laesisset aristas.

(7. Aen. 808.)

Она перелетитъ чрезъ нивы и луга,

И не помнетъ ея ни жнивъ, ни травъ, нога.

Иногда Метафорою: какъ здѣсь; *перелетитъ.*

Иногда еще болѣе возрастаетъ Иперболя, соединясь съ другою Иперболою, какъ у Цицерона противъ Антонія: *Естьли Харибда толико всепожирающая? Что я говорю, Харибда? Ежели существовала она, то была по крайней мѣрѣ одно животное. Едва ли самъ Океанъ, при своей ненасытимости, можетъ, кажется, поглотить толикое множество вещей, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ и другъ отъ друга толь далеко отстоящихъ.*

Но прекраснѣйшую изъ Ипербол нахожу у неподражаемаго Лирическаго Стихотворца Пин-

дара въ одномъ сочиненіи подъ заглавіемъ *Иминовъ.* Чтобъ дать понятіе, съ какою стремительностію напалъ Геркулесъ на Мероповъ, кои обитали, какъ сказываютъ, на островѣ Косѣ, онъ не сравниваетъ его ни съ огнемъ, ни съ вѣтрами, ни съ моремъ, какъ будто одно послѣднее сравненіе было достаточно. Въ подражаніе сему и Цицеронъ говоритъ въ рѣчи противъ Верреса (7. Verr. 144.) *Явился въ Сициліи не Діонисій, не Фаларидъ, ибо на семъ островѣ было много жестокихъ тирановъ; но, не смотря на разстояніе временъ, увидѣли нѣкое новое чудовище, составленное изъ той древней лютости, и на тѣхъ же мѣстахъ обитавшее. Не думаю, чтобъ Сцилла или Харибда были кораблямъ такъ опасны, какъ Верресъ сдѣлался страшенъ въ томъ же проливѣ.*

Предметы какъ увеличиваются, такъ и умаляются Иперболою, какъ напримѣръ, Виргилій влагаетъ въ уста пастуху сей тропъ для означенія худости стадъ:

......Vix ossibus haerent.

Едва кости держатся.

И Цицеронъ (*) въ одной Эпиграммѣ употребилъ подобную Иперболу:

(*) Варронъ слово *fundus* (помѣстье) производилъ отъ *funda* (праща). Посему Цицеронъ и шутитъ надъ нимъ, употребляя Иперболу, что будто бы помѣстье такъ мало, что его, какъ камень, бросить изъ пращи можно.

Fundum Varro vocat, quem possim mittere funda:
Ni tamen exciderit, qua cava funda patet.

Но и въ самыхъ Иперболахъ надлежитъ хранить нѣкоторую мѣру. Ибо всякая Ипербола, хотя превышаетъ вѣроятіе, однако не должна выходить совсѣмъ изъ предѣловъ: а иначе, легко можно впасть въ порокъ худой разборчивости, *cacozilon*. Я не стану исчислять недостатковъ, отсюда раждающихся; ихъ чувствовать всякой можетъ. Довольно замѣтить, что Ипербола лжетъ, однако не въ намѣреніи обмануть. Почему тѣмъ осмотрительнѣе должны быть въ увеличеніи предмета, чѣмъ извѣстнѣе, что намъ во всемъ не повѣрятъ. Иперболою весьма часто возбуждается смѣхъ: ежели она употребляется подлинно для возбужденія смѣха, то называется забавною замысловатостію, а въ противномъ случаѣ, глупостію.

Впрочемъ Ипербола между неучеными и невѣждами въ великомъ употребленіи: какъ будто бы самою природою вложена во всѣхъ склонность увеличивать или умалять предметы, и никто не довольствуется истиннымъ ихъ изображеніемъ. Намъ прощаютъ ее, поелику мы ея не утверждаемъ. Но прямую красоту Ипербола составляетъ тогда, когда самый предметъ, о коемъ говоримъ, превосходитъ естественную мѣру. Ибо дозволяется сказать тогда нѣчто

и болѣе, когда не находимъ равносильныхъ выраженій для такой безмѣрности: однако лучше сказать больше, нежели меньше. Но о семъ говорено пространнѣе въ той книгѣ, гдѣ изложены мною причины упадка нынѣшняго Краснорѣчія.

ПОПРАВКИ КО 2-й ЧАСТИ.

Стран.	строк.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
1.	16.	расположила	расположила
—	19.	по	по-
30.	25.	под	под-
34.	23.	затѣмняютъ	затемняютъ
53.	20.	похвалы	похвалы
95.	4.	соглались	согласились
125.	6.	быть	быть
134.	3.	*παῤῥησια.*	*παῤῥησία*
144.	7.	совсѣм	совсѣмъ
161.	23.	что	что
162.	21.	*ισόκωλον*	*ἰσόκωλον*
189.	5.	Бахій	Бакхій
193.	1.	некогда	нéкогда
—	2.	принебрегши	пренебрегши
195.	2.	нечего	нéчего
197.	18.	асли	если
220.	26.	сму	ему,
242.	25.	своmъ	своемъ
250.	6.	пристращатьси	пристращаться
312.	12.	кто,	кто будетъ порицать,
331.	16.	нераденіе	нерадѣніе
333.	20.	Сардинецъ презираетъ	Сардинцевъ презираетъ,
338.	5.	зависила	зависѣла
340.	26.	намекаетъ,	намѣкаетъ
—	28.	и	или
341.	3.	разпространилъ	распространилъ
343.	26.	съ	въ
347.	17.	Урсисъ	Урсусъ
351.	12.	нераденіе	нерадѣніе

Стран.	строк.		
352.	16.	силы прибавляется,	силы,
389.	9.	произноситъ	произносятъ
422.	2.	открываетоя	открывается
428.	10.	человѣками.	человѣками?
432.	7.	затменія	затмѣнія
—	11.	Оратора	Оратора
—	21.	Ификою	Иѳикою
447.	18.	не боишся	не боится
455.	19.	о своемъ	о его
458.	16.	безвомѣздія	безъ возмездія
465.	1.	Какъ	Какъ врачъ
476.	6.	стои́тъ	стóитъ
488.	7.	V	Ѵ
490.	20.	къ словамъ	съ словами